

Искорка

ДОБРО
ПОЖАЛОВАТЬ
В
КРАСНЫЙ
ПЕТРОГРАД

НА ЗАВЕСТУЕТ 2 КОНТРАКТОРА

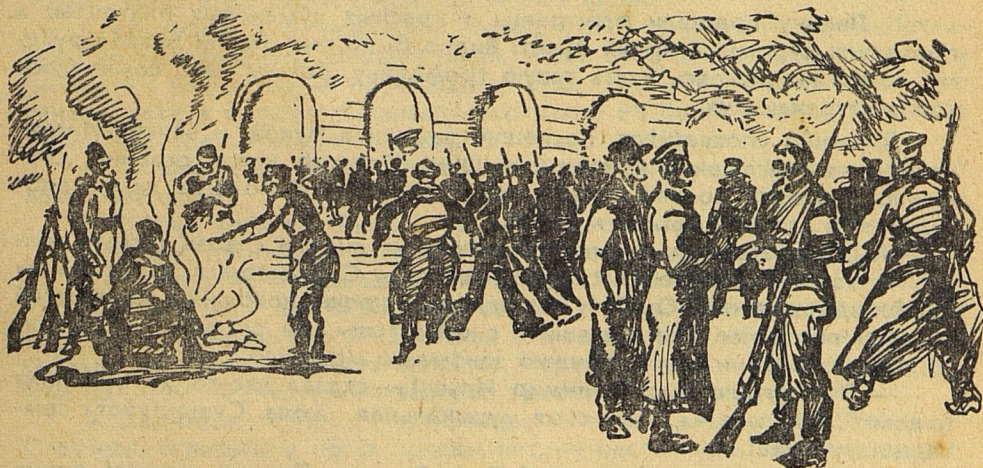

Леонид РАДИЩЕВ

газета
«Ленинские
искорки» -
орган
Ленинградского
Обкома и
Горкома
ВЛКСМ
Ленинградского
Совета
пионерской
организации
имени
В.И. Ленина

НОЯБРЬ • 1968

год издания XII

Рисунки П. Вискова

Собственный оркестр

МНОГО народу собралось на вокзале в тот июльский день. Питерская капризная погода не подвела. Празднично светило солнце, на платформе алели знамёна, пестрели букеты цветов. На огромном полотнище под стеклянными сводами вокзала было написано: «Да здравствует Второй конгресс Коммунистического интернационала! Добро пожаловать в Красный Петроград!» Все с нетерпением ожидали, когда за лёгкими дымками на дальних путях покажется московский поезд.

Среди ожидающих находился и оркестр. На него поглядывали с улыбками. Этот оркестр и в самом деле был не совсем обыкновенный. Старшему из музыкантов, трубачу, исполнилось, вероятно, лет четырнадцать. Младшим тут считался, наверно, барабанщик, который был одного роста с барабаном. Впрочем, надо заметить, что барабан этот был вполне приличных размеров.

Как и все на платформе, музыканты тоже посматривали, когда появится поезд, и было очень заметно, что они волнуются, ожидая своей минуты. Иногда, будто случайно, тихо звякали медные тарелки,

хрипло вздыхала труба, погромыхивал, точно дальний гром, барабан. Дирижёр — единственный взрослый человек в оркестре — грозил пальцем: тихо! Не баловаться!

Как-то неожиданно быстро вынырнул украшенный флагами паровоз. Все бросились к вагонам. В этой сутолоке оркестр немного растерялся, но почти сразу к нему подскочил распорядитель с красным бантом: «Ребятки, за мной!» Ребятки побежали, топая по деревянной платформе. «Стой здесь!» — скомандовал распорядитель.

Оркестр тотчас же построился, музыканты вскинули трубы, ожидая дирижёрского знака. И тут они увидели, как из вагона вышел человек, которого с таким нетерпением ожидал огромный праздничный город. Надо было немедленно грянуть «Интернационал», но все они вместе с дирижёром засмотрелись, пропустили момент. И разве можно было обвинять их в этом?

К Ленину подошли работницы в красных кумачовых платочках и протянули огромный яркий букет. Видно было, как Ленин развёл руками, точно не решаясь взять такую громадину. Вокруг него сомкнулась толпа встречающих.

Дирижёр спохватился, поспешно взмахнул рукой, и звуки «Интернационала» заглушили вокзальный шум. Оркестр играл стройно, слаженно. Пожалуй, только барабанщик старался чуть больше, чем следовало, но и это не портило музыки.

Некоторое время музыканты ничего не видели сквозь тесную толпу, но вот она заколебалась, раздвинулась. С букетом в руках Ленин пошёл вдоль вагона. Он был без пальто, в кепке, похожий и непохожий на свои портреты. Поравнявшись с оркестром, он остановился. Дирижёр подал знак, и трубы дружно закончили мелодию.

— Это путиловцы, Владимир Ильич! — сказал кто-то из стоявших рядом с Лениным. — У них своя музыкальная школа. Существует с семнадцатого года!

— А-а-а, путиловцы! — улыбнулся Ленин. — Помню, помню! Какие молодцы!..

...Н О Я Б Р Ъ — месяц осенний, но зима семнадцатого года началась рано. Дует пронзительный ветер, сыплется колючая снежная крупа. Перед Смольным горят костры. У подъезда, заложив ленты в пулемёты, наготове сидят пулемётчики. Красногвардейские посты проверяют пропуска. А люди идут и идут. Сотни их проходят за сутки по длинным коридорам Смольного, где тускло, вполне на, светят лампочки — надо экономить энергию. Идут рабочие, матросы, солдаты, ходоки-крестьяне с котомками, делегаты с фронта — к Ленину, к народным комиссарам.

В левом крыле Смольного — приёмная Совнаркома, а рядом кабинет Ленина. Свет нередко горит здесь до утра, и красногвардейцы, сменяясь у ленинского кабинета, с тревогой думают: когда же он спит?

Не всех, кто стремится попасть к нему, может принять Председатель Совнаркома, но никто не должен уйти из Смольного без ясного, точного ответа. Секретари в приёмной внимательно беседуют с посетителями — кто, откуда, по какому делу.

Так было и с путиловцами, которые пришли сюда в конце ноября. Секретарша записала в тетрадке: Плотников М. А. — учитель начальной трёхклассной школы. Фомин А. А. — рабочий пушечного цеха. Выслушав их, она сказала:

— Советую вам ещё раз обратиться в Губернский отдел народного образования, а коротко говоря — в Губоно.

— Да мы уже обращались дважды, — ответил учитель. — И дважды получили отказ.

— Конечно, если поглядеть с поверхности, то дело наше странное, что ли, — взволнованно заговорил Фомин. — Так нам и объяснили в народном образовании: дескать, задуманное не ко времени, надо подождать... а мы, то есть многие путиловцы, сомневаемся, так ли нам объяснили. Потому и просим доложить о нас товарищу Ленину.

Секретарша вздохнула.

— Нет, товарищи, по такому делу, как ваше, мы не можем отвлекать товарища Ленина, — она старалась говорить возможно мягче. — Настаивайте на своём перед Губоно. Это его прямое дело.

Учитель безнадежно махнул рукой:

— Настаивали! Ни к чему не привело!

— Товарищ, послушайте! — снова обратился Фомин к секретарше. — Мы разве не знаем, какие у товарища Ленина дорогие минуты? Они у него все сосчитаны. А может, всё-таки найдётся одна?.. Нам только спросить... Его и будет последнее слово!

Секретарша чуть приметно нахмурила брови, что-то хотела ответить, но тут скрипнула боковая дверь, и все трое обернулись. На пороге кабинета в накинутом на плечи пальто стоял Ленин. Путиловцы сразу его узнали, хотя в ту пору ленинских портретов не было: ещё до Октября Ленин выступал у них на заводе.

— О чём спор идёт? — быстро спросил Владимир Ильич. — Вы ко мне, товарищи?

— К вам, товарищ Ленин! Мы с Путиловского!

— А-а-а, путиловцы, — улыбнулся Ленин, — заходите, заходите!

Он пропустил путиловцев вперед себя и закрыл дверь. В небольшой комнате шло, как видно, совещание. На столе лежала географическая карта с надписью: «Российская империя», над ней склонились несколько человек в военных шинелях. Чернобородый матрос стучал одним пальцем на пишущей машинке, пристроившись в углу.

— Садитесь, товарищи путиловцы, — приветливо сказал Ленин. — Садитесь, садитесь, в ногах правды нет, — настойчиво повторил он, видя, что путиловцы замешкались. — Рассказывайте, с чем пришли.

Фомин поглядел на Плотникова: тебе говорить. Учитель крепко потёр давно небритую щеку. Стало немного страшновато. А если верно, что не такое у них дело, чтобы являться сюда?

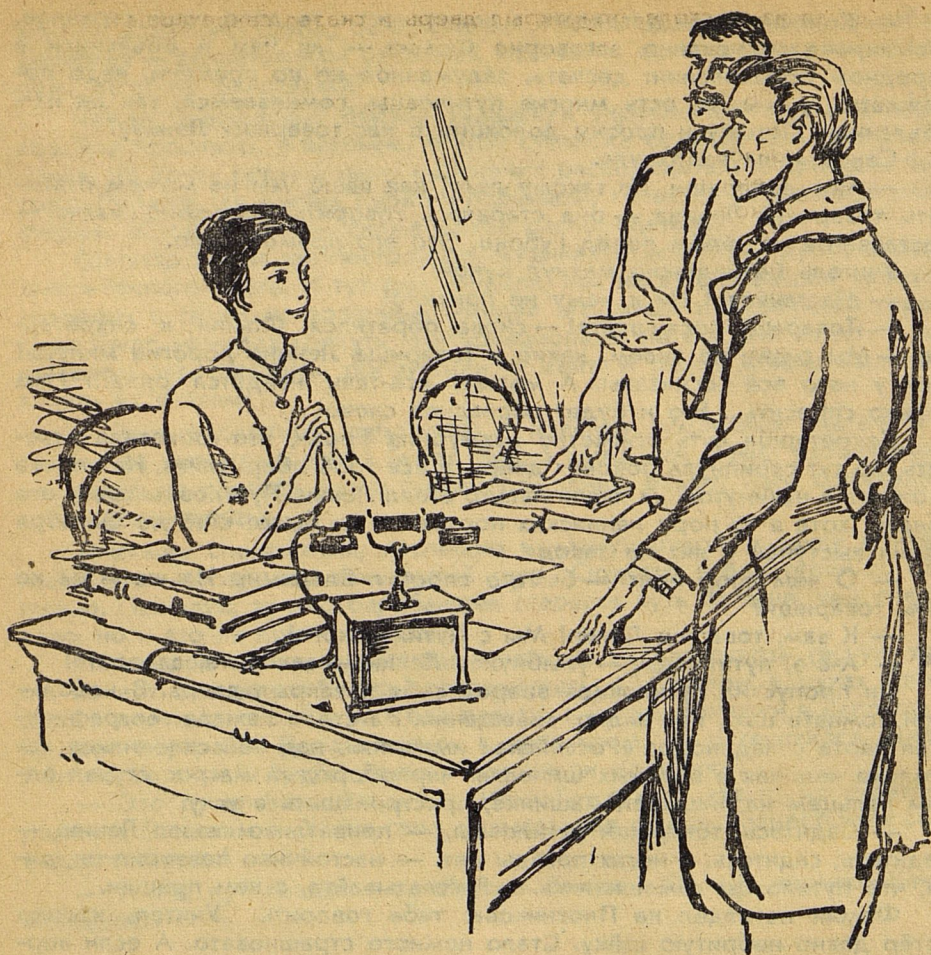
А дело было вот какое.

Путиловский завод огромный — целый город. Тысячи рабочих семей живут в этом районе, а школа одна, и всего лишь начальная, трёхклассная. А вот для детей всяческого начальства — директоров, инженеров поглавнее, служащих покрупнее — высшее десятилетнее коммерческое училище.

Теперь, конечно, всё поворачивается по-другому. После Октября на Путиловском заводе состоялось небывалое и очень громкое собрание. Было объявлено, что отныне отменены и трёхклассные и коммерческие, а будет единая советская трудовая школа. Единая для всех детей, какие бы должности ни занимали их отцы.

Однако не всем отцам пришлось это по нутру. Некоторые из «бывших людей» говорили с насмешкой и злобой, что детям рабочих всё равно не сравняться с детьми из «хороших семей»: те с малолетства воспитанные, обученные вежливым манерам и музыке, пению и танцам и всяким прочим тонкостям, — где уж равняться с ними!

«Бывшим людям» рабочие ответили как следует: они напомнили, что старые порядки миновали и не вернутся никогда. Теперь и рабочие дети будут учиться всем наукам и искусствам. И тут же на собрании постановили, чтобы просить советскую власть открыть в их районе особую художественную школу, где будут и музыкальные, и рисовальные, и танцевальные, и иные классы.

С этим и пришли путиловские представители в Губоно, но там их сразу охладили: да, интересная идея, что и говорить, но время сейчас не такое, товарищи! Повсюду голод, холод, разруха. В Питере — ни света, ни топлива, вода замерзает, трамваи не ходят, заводы закрываются, а вы со своей художественной школой! Придётся повременить, дожждаться лучших времён...

Напрасно путиловцы говорили, что и сами они могут многое сделать — ведь сотни рабочих рук придут на помощь. Ответ был всё тот же: не такое время, товарищи, надо обождать.

На том и расстались с Губоно. И вот решили путиловцы спросить у товарища Ленина — правильно это или нет, и пусть он скажет последнее слово по этому делу!

Ленин сидел, подавшись вперёд, точно боясь что-нибудь пропустить. Иногда он делал пометки у себя в блокноте. Когда учитель кончил говорить, он громко спросил, обращаясь ко всем, кто находился в кабинете:

— Слышали, что хотят путиловцы? Они хотят, чтобы их дети стали культурными людьми, а им доказывают, что сейчас время не такое, надо обождать! — Он повернулся к путиловцам: — Вы задумали прекрасное, замечательное дело. И время сейчас такое, именно такое время!

Он встал из-за стола, приоткрыл дверь и сказал секретарше:
— Соедините меня, пожалуйста, с Губоно!

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ Совнаркома никогда не распекал, ничего не приказывал. Он только сказал работникам Губоно, что Октябрьская революция произошла, между прочим, и для того, чтобы у путиловцев была художественная школа: это только начало, а потом у нас появятся десятки таких школ. И, несмотря на все наши тяготы, трудности, лишения, нужно помогать, поддерживать такие начинания и не медлить с этим ни одного дня.

И дело стронулось.

За Нарвской заставой не удалось найти подходящее помещение. В те годы Нарвская застава была далёкой окраиной Петрограда: деревянные домики, бараки, пустыри, казённые кирпичные здания.

Пришлось отправиться на поиски в другие районы. Путиловцам разрешили занять пустующий дом на Рижском проспекте — теперь он называется проспект Огородникова.

Что означали в ту пору слова — пустующий дом? Это — насквозь промёрзшие и потрескавшиеся стены, сорванные двери, выбитые рамы и стёкла, заросшие льдом полы, перекорёженные перила и ступени лестниц, прохудившаяся крыша. Вот таким «тяжёлым больным» и был пустующий дом на Рижском проспекте.

Самое первое лечение — это, конечно, отогреть «больного». Неимоверно трудно добиться этого в городе, где на счету каждое полено. Но вот разведка донесла, что обнаружены у набережной затонувшие полуразрушенные плоты. Целыми отрядами приходили сюда путиловцы после работы. Лезли в ледяную воду, добывали брёвна и доски, тащили их на берег, пилили, кололи.

А как доставить топливо на место? Подумали и приспособили к делу заводской паровичок с вагонетками. Сделали так, чтобы он мог передвигаться по трамвайным рельсам, и ночами возили дрова в будущую школу.

А там трудились путиловские плотники, печники, слесари, электрики, штукатуры. И, наконец, явились полотёры. Это значило, что «тяжёлый больной» выздоровел.

Вскоре тот же бойкий паровичок повёз из центра на прицепленной платформе самый желанный груз: рояль, пианино, духовые и струнные инструменты, пюпитры, альбомы с нотами и большой нарядный барабан с кистями.

А на улице уже была весна — первая весна молодой Советской республики.

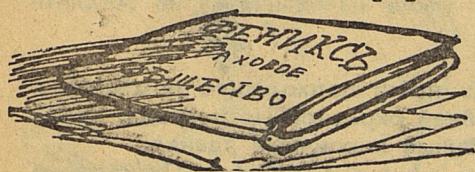
ИЮЛЬСКИМ днём тысяча девятьсот двадцатого года собственный школьный оркестр встречал Ленина, приехавшего в Петроград на открытие конгресса Коминтерна.

Собственный оркестр маленьких путиловцев!

Владимир Ильич задержался на платформе возле музыкантов, протянул дирижёру свой тяжёлый пышный букет и широко провёл рукой, как бы желая сказать: «Это на всех!»

Будь у него побольше времени, он бы, наверно, поговорил с путиловскими ребятами, но его всюду ждали — и на площади перед вокзалом, и в Смольном, и в Таврическом дворце, и на Марсовом поле. Ответственно помахав оркестру, он пошёл дальше, а вслед ему покатились упругие волны громкого весёлого марша.

ГОСПОДИН

ШУБЕНКО

ВАГОН мелко тряся. И от этого малярийного озноба жалобно звякала эмалированная крышечка на чайнике, дребезжали стаканы, дробно постукивала металлическая дверца фонаря.

Вагон был дряхлый, неказистый. И тащился он медленно. И места — только сидячие.

Но зато билет — вдвое дешевле, чем в курьерском.

Бабушкин сидел у окна.

Был он в чёрном костюме-тройке. Из-за этого костюма он вместе с Крупской несколько часов бродил по мелким лондонским лавочкам на окраине города. В крупных магазинах одежда стоит дороже. И всё же подобрали вполне подходящий костюм. И солидный, и недорогой.

Рядом сидящие пассажиры не обращали внимания на Бабушкина. В начале пути то один из них, то другой пытались заговорить с этим невысоким русоголовым мужчиной. Но на все вопросы — и по-английски, и по-немецки, и по-французски — он лишь смешно разводил руками, виновато улыбался и бормотал: «Ай ду

нт андестенд». И пассажиры, с трудом разбираясь в его варварском произношении, догадывались, что незнакомец пытается сказать по-английски — «не понимаю».

В конце концов Бабушкина оставили в покое.

Он сидел, смотрел в окно.

Германия... Вот она — за стеклом... Два месяца... Да, почти два месяца прожил он у Ленина в Лондоне. Ильич всё не отпускал: отдохните да отдохните, очень изнурённый вид у вас...

Мимо проскальзывали маленькие чистенькие домики с высокими черепичными крышами и ровными дорожками, выложенными разноцветными кирпичиками.

«Как игрушечные, — усмехнулся Бабушкин. — Да, аккуратный народ немцы».

Возле каждого маленького домика был маленький садик и в нём одинаковые маленькие клумбы и маленькие беседки.

«Итак, поздравляю, — сказал сам себе Бабушкин. — Скоро будете дома, господин Шубенко».

Он провёл ладонью по кар-

ману пиджака — там, на груди, лежал паспорт с его фотографией. В графе «фамилия» значилось — Шубенко. И чуть пониже — «крестьянин Полтавской губернии».

Когда Крупская, за неделю до отъезда Бабушкина из Лондона, вручила ему этот паспорт, Иван Васильевич долго, дотошно изучал документ, по которому отныне ему предстояло жить. Каждую печать вертел и так, и этак, каждую запись придирчиво перечитывал несколько раз и даже на свет разглядывал.

— Не сомневайтесь, Иван Васильевич, — успокоила его Надежда Константиновна. — Это — «железка».

Так подпольщики называли паспорт недавно умершего. Как раз этой осенью из одной больницы передали два таких паспорта Крупской.

«Железка» — самый надёжный документ. Все печати — подлинные. Все записи и все прописки — тоже подлинные. Захочет полиция проверить — пожалуйста! Не подкопаться.

...Вагон подскакивал на стыках и дребезжал так, что казалось, сейчас развалится. Рядом с Бабушкиным дремал пожилой немец. Седая, аккуратно подстриженная голова его дёргалась в такт вагонным толчкам. Напротив, у окна, также сидя, дремал длинный тощий студент.

«Значит, господин Шубенко!»

Бабушкин усмехнулся. Сколько фамилий и партий-

ных кличек сменил он за последние годы! Был он и «Богданом», и «Товарищем Трамвайным», и «Вязьминным», и «Николаем Николаевичем». И даже женскую фамилию носил (в письмах для конспирации его называли «госпожа Новицкая»).

«Итак, господин Шубенко, кем же вы станете в Питере? — подумал Бабушкин. — Опять слесарем?»

Это уже несколько дней беспокоило его.

Вот приедет он в столицу. Если «крестьянин Полтавской губернии» нигде не будет работать, сразу привлечёт внимание полиции. Значит, надо работать. Но где? Кем?

Опять на завод? Простоишь весь день у тисков, а когда же выполнять поручения Ленина? Когда организовывать стачки, собрания, митинги?

«Столяром заделаться? Как в Полоцке? Нет, тоже не годится...»

Бабушкин прикрыл глаза. Задумался.

«На паровоз кочегаром? Газетами торговать? Землекопом? Грузчиком?»

Он перебирал самые разные профессии и отвергал их. Все. Одну за другой. Любая из них отнимала слишком много времени и сил.

Он так ничего и не решил. Задремал, прислонясь головой к дрожащей стене.

Очевидно, он заснул, потому что, когда вновь открыл глаза, напротив, у окна, сидел вовсе не студент, а толстенький господин в ярко-зелёном пальто,

и возле него сверкал коричневой кожей и никелем такой же толстенький новенький саквояж.

Бабушкин протёр глаза, оглянулся. Студента не было.

— Простите, — сказал толстяк. — Вы, кажется, русский?

Бабушкин кивнул.

— О, как приятно вдали от отечества встретить соплеменника! — Толстяк весь расцвёл и с чувством долго тряс руку Бабушкину.

Глаза у толстяка были умные, с хитринкой, весь он так и лучился бодростью.

Он был оживлённый, говорливый, и вскоре Бабушкин уже знал, что едет господин Троекуров в Москву, что у него жена и шесть дочерей — да, да, шесть дочерей и ни одного

сына! — и что работает он страховым агентом.

— Вот, пожалуйста, — он вынул из саквояжа щегольскую чёрную папку и из неё достал глянцеви́тый плотный лист бумаги. — Страховой полис, — пояснил он. — Извольте, господин Шубенко, можете сейчас же на самых выгодных условиях застраховать своё имущество, как движимое, так и недвижимое.

Бабушкин усмехнулся. Недвижимости у него сроду не водилось. А из движимости имеется, пожалуй, лишь вон тот чёрный, внушительных размеров чемодан под полкой. В чемодане сверху лежала большая кукла с закрывающимися глазами — подарок Лидочке. И при кукле — двенадцать маленьких плати́ц: полный кукольный гардероб.

Кроме куклы в полупустом чемодане находились полотенце, мыло в плоской английской мыльнице, немного белья и несколько книг.

Всё это уложила в чемодан

Крупская. Книги были старые, ненужные. Положила их Надежда Константиновна только для веса. В щегольском чемодане было двойное дно. И там, в тайнике, надёжно скрытые от посторонних глаз, лежали пачки «Искры» — двадцать фунтов.

Если жандарм на границе, проверяя багаж, откроет полупустой чемодан «госпоина Шубенко», а потом приподымет его — может заметить, что он слишком тяжёл. Вот на этот случай и нужны книги.

Хотя страховать ему было нечего, Бабушкин взял полис, с любопытством разглядывал его.

И вдруг... Он прищурился, усмехнулся.

А что?! Мысль недурна! Честное слово, недурна!

ЧЕРЕЗ несколько дней в Питере в правление страхового общества «Феникс» пришёл невысокий мужчина в чёрном костюме-тройке. Он сказал, что хотел бы работать страховым агентом.

Его провели к помощнику управляющего.

— Имейте в виду, господин Шубенко, — сказал тот, — агенты получают у нас только проценты с застрахованного. Никакого жалованья агентам не положено.

— Точно так, — ответил Шубенко.

— Ваши заработки будут зависеть целиком от вашей предприимчивости.

— Точно так, — повторил Шубенко.

— Паспорт?

Шубенко положил на стол свой паспорт.

— Так... Прописаны, значит, на Охте?... Так... — помощник управляющего пролистал паспорт. — И вот ещё, господин Шубенко. Дело связано с денежными суммами. Поэтому необходимы два поручителя. Желательно, чтобы это были люди состоятельные, с весом и положением...

— Слушаюсь, — сказал Шубенко.

Он ушёл.

Через три дня на стол помощника управляющего легли два поручительства. Известный в столице зубной врач Аксельрод и талантливый профессор-химик Охлопков писали, что они давно знают господина Шубенко и всецело гарантируют его честность. (И богатый зубной врач, и учёный-химик никогда даже не видели «госпоина Шубенко», но они сочувствовали борцам за свободу и иногда даже помогали им: когда это было не очень опасно.)

Так в Питере появился новый страховой агент.

КАЖДОЕ утро, всегда в одно и то же время, из подслеповатого деревянного флигелька на самой окраине Охты выходил солидный господин в строгом чёрном костюме. В левой руке он всегда нёс чёрную кожаную папку. На внушительной папке был вытиснен золотом огромный двуглавый орёл. И также золотом напечатано: «Страховое общество „Феникс“».

Господин с папкой неторопливо выходил за ворота, где обычно встречался с дворником Харитоном, подметавшим улицу. Харитон отличался строгостью и аккуратностью: всегда носил белый фартук и на груди блестящую медную бляху, которую другие дворники надевали только в парадных случаях.

— Здравия желаю, господин Шубенко! — басил Харитон, приподнимая картуз.

— Здравствуй, любезный! — отвечал Шубенко и останавливался у ворот, глядя на тусклое, серое небо. — Погодка-то опять подгуляла...

— Одно слово — климат! — многозначительно произносил Харитон, с уважением погля-

дивая на тиснённую золотом папку.

Как и многие столичные дворники, он был тайным агентом охраны и имел задание «приглядываться» к жильцам. К новым квартирантам — супругам Шубенко, снявшим две маленькие комнатки во втором этаже, — он тоже сразу стал принимать. Но хорошие «чаевые», а главное — солидная папка с золотым орлом вскоре внушили ему полное почтение к страховому агенту.

Дворник, конечно, и не подозревал, что в толстой папке под пачкой чистых глянцеви-тых страховых бланков у господина Шубенко зачастую лежало несколько номеров «Искры», отпечатанных на тонкой, почти прозрачной бумаге.

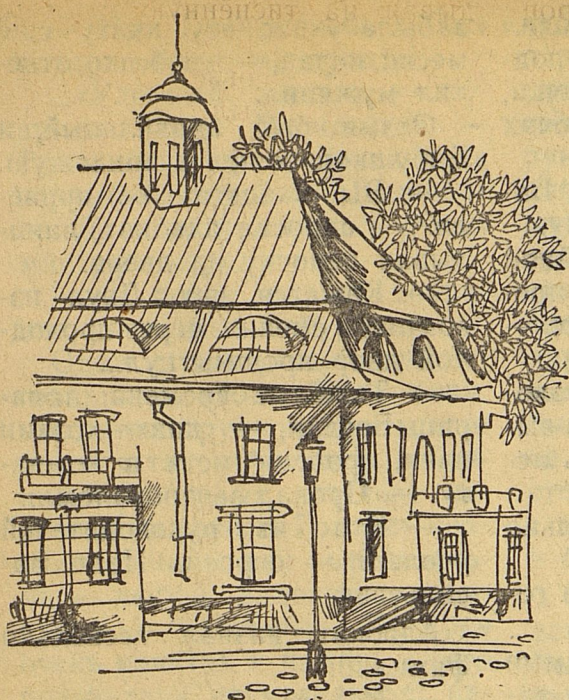
К беседе господина Шубенко и дворника вскоре обычно присоединялся и сам домовладелец — маленький тощий старичок с дергающимися, как на шарнирах, ногами и с палочкой. Каждое утро в это время он совершал прогулку по Охте.

— Для моциону, — объяснял он. — В смысле желудка крайне полезно...

Шубенко всегда заводил с ним один и тот же разговор о необходимости застраховать дом.

— Строение-то деревянное, — вкрадчиво говорил он. — Не дай бог — пожар, — тут господин Шубенко широко крестился. — Что тогда? Да будет вам известно, что за последнее пятилетие в одном только Петербурге сгорело не-

прочитал книжку о греческих мифах. Феникс — это птица, возрождающаяся из пепла. Название страхового общества как будто говорило всем: «Страхуйтесь! Если погорите, ваше имущество вновь возникнет после пожара, как чудесная птица феникс из пепла!»

Профессию Бабуш-

застрахованных строений на сумму семьсот восемнадцать тысяч рублей! По моему скромному разумению, владелец недвижимости не может спать спокойно, не застраховавав имущества...

Домохозяин внимательно слушал господина Шубенко, поддакивал, вздыхал, но страховать дом отказывался.

— На всё божья воля, — говорил он, крестясь, и уходил.

Старичок был скуп и не хотел платить страховые взносы.

Бабушкин, помахивая папкой с надписью «Феникс», неторопливо направлялся в центр города.

«Хитро хозяева подобрали название», — усмехаясь, думал он.

Иван Васильевич как раз недавно, по совету Ленина,

кин выбрал очень удобную. Целыми днями колесил страховой агент Шубенко по столице. Не вызывая подозрений, заходил в любой дом, якобы страхуя имущество от огня, а

на самом деле устанавливал связь с революционерами, подготавливал собрания и стачки, распространял среди рабочих ленинскую «Искру».

...Ленин поставил перед Бабушкиным трудную задачу.

В Петербургской партийной организации было много предателей, главные из них — «экономисты»¹.

Вождь петербургских «экономистов» студент Токарев выбросил лозунг: «Вышибить ленинцев из руководства!»

За это Ленин презрительно прозвал его Вышибалой.

Ильич в Лондоне не раз говорил Бабушкину:

— «Экономисты» — самые коварные наши враги: они таятся внутри партии и, прикидываясь революционерами, обманывают рабочих! Объявите им войну! Объедините всех искровцев! Разгромите Вышибалу!

Приехав в Петербург, Бабушкин пошёл на явочную квартиру к незнакомому адвокату.

— Тётушка просила взять у вас «Анну Каренину», — сказал он открывшему мужчине — невысокому, с длинными волосами. Вместе с густыми бакенбардами, широкими усами и большой бородой они обрамляли всё его лицо.

Это был пароль.

— Пожалуйста. Тётушка

¹ «Экономистами» их называли потому, что они говорили: рабочие должны вести только экономическую борьбу, то есть добиваться, чтобы хозяин увеличил им жалованье, снизил штрафы, уменьшил рабочий день. А политическая борьба — борьба с парём, с самодержавием, подготовка революции — рабочим, мол, ни к чему.

забыла у нас эту книгу ещё месяц назад, — любезно ответил мужчина.

Отзыв был правильный, и Бабушкин вошёл в прихожую.

— Вы «хвоста» не привели? — спросил адвокат, накидывая цепочку на дверь.

— Кажется, нет. Двух извозчиков сменил, через проходной двор прошмыгнул...

— Тяжёлые времена, товарищ Богдан, — сказал хозяин явки, проведя гостя в комнату. — Провал за провалом...

— Кто из руководителей уцелел? — спросил Иван Васильевич.

Адвокат назвал несколько фамилий.

— И всё?

— Да, всё...

Бабушкин покачал головой. Он знал: Петербургская партийная организация переживает трудные дни, но всё же не думал, что дело так плохо. А впрочем, всё понятно: самые опытные, преданные искровцы — в тюрьме, а другие — неустойчивые — изменили Ленину.

— Давайте завтра соберём уцелевших, — предложил Бабушкин. — Надо потолковать...

На следующий день вечером на квартире у адвоката собрались искровцы.

Бабушкин рассказал о поручении Владимира Ильича — разгромить «экономистов».

— Послезавтра они как раз устраивают собрание рабочих, — сказал адвокат.

— Где? — спросил Бабушкин.

— На Выборгской... Сам Токарев будет выступать!

...«Удобный момент, — подумал Иван Васильевич. — Там можно при рабочих дать первый жестокий бой Вышибале. Да и познакомиться с ним мне уже пора...»

— Я пойду на их собрание, — сказал Бабушкин.

Один из товарищей стал отговаривать его: с Токаревым, мол, очень трудно спорить, особенно в таком большом собрании. Во-первых, студент необычайно речист. Говорит красиво, умно и так выразительно — любой адвокат позавидует. А во-вторых, Токарев очень начитан и память у него прямо-таки изумительная: наизусть приводит целые страницы из Маркса и Энгельса.

— Я, бывало, сцеплюсь с ним, — пожаловался Бабушкину его старый друг Никита Фёдоров — слесарь с Семяниковского завода, — да где мне, полуграмотному!.. Хлещет цитатами, как нагайкой, спасу нет! А ведь ты тоже академик да университетов не кончал... Сомнёт тебя студент!

— Да, образование у меня невеликое, — усмехнулся Иван Васильевич. — У студента-то папаша фабрикант: чего ему не учиться? А у меня отец солеваром был. Рос я, как крапива, без ухода и забот. Сызмала сам себе хлеб добывал. Тут уж не до науки...

Однако Бабушкин вместе с Никитой Фёдоровым всё же пошёл на собрание «экономистов».

Оно проводилось в квартире

зубного врача. Врач был беспартийный, но «сочувствующий». Участники, кто завязав щёку платком, кто прижав её рукой, поодиночке, под видом пациентов проходили в большую, хорошо обставленную приёмную врача. В центре стоял огромный, точённый из орехового дерева, круглый полированный стол. На нём лежали газеты и журналы, чтобы больные, ожидая приёма, не скучали. Вокруг по стенам стояли мягкие ореховые стулья с высокими резными спинками и большой кожаный диван.

Собралось человек тридцать — с разных заводов Выборгской стороны. В приёмную все не вместились. Пришлось раскрыть обе створки широкой двери в кабинет врача. Некоторые уселись там возле белых шкафов со сверкающими никелем инструментами, на подоконнике (окно было затянуто шторой), а лысый пожилой наборщик даже сел в жёсткое зубоорачебное кресло.

Бабушкин устроился возле бормашины, рядом с маленьким столиком, где на толстом стекле лежали белые гипсовые слепки челюстей. Никита пригнулся тут же.

Первым выступал Токарев — высокий, красивый юноша в студенческой форме. Золотистая, пышная грива волос, откинутых назад, прямой нос, тонкие губы... Держался он непринуждённо, как артист. И говорил тоже, как артист: то повышал голос и, встряхивая шевелюрой, вздымал руки к

потолку, то уверенно и твёрдо чеканил фразы.

Друзья не зря предупреждали Бабушкина. Студент так и сыпал цитатами, — говорил он горячо, живо, и Бабушкин видел, что речь Токарева одобряется многими рабочими.

— Наша святая, главная задача: улучшить условия своей многострадальной жизни, — страстно говорил Токарев. — Наши дети голодают. Мы ютимся в грязных бараках. Мы требуем, чтобы заводчики увеличили зарплату рабочим. Прибавка — хоть копейка на рубль — важнее для мастерового, чем борьба за какие-то далёкие неясные свободы. Лучше синица в руке, чем журавль в небе!

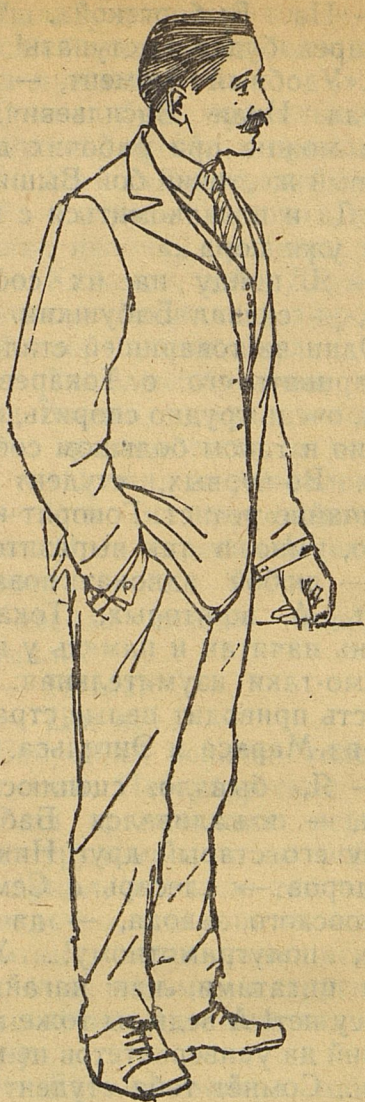
Едва Токарев кончил, Бабушкин попросил слова. Студент, откинувшись на стуле, с любопытством оглядел незнакомца, неловко пристроившегося возле колеса бормашины.

Бабушкин был одет в добротный чёрный костюм, в руке держал шляпу, под пиджаком у него виднелась манишка. Идя на собрание, «страховой агент Шубенко» не успел переодеться.

«Наверно, новоиспечённый интеллигент из рабочих», — подумал Токарев.

Выйдя к круглому полированному столу, стоявшему в центре приёмной, Бабушкин неторопливо положил шляпу, обернулся к Токареву и сказал:

— Представьте себе, господин студент, что живут два ра-

ба. В Древнем Риме, например. Измываются над ними хозяева-патриции. Заставляют с утра до ночи тяжёлые камни ворочать. Бьют нещадно. Но при всём том одного раба кормят чёрным хлебом, а другого — белыми булками. Дозвольте узнать, господин студент, каким из этих рабов вы хотели бы быть?

Токарев откинулся на высокую резную спинку стула, вы-

пустил колечко дыма и, улыбаясь, ответил:

— Я вообще предпочёл бы быть не рабом, а свободным гражданином!

— То-то и оно! — сказал Бабушкин. — А рабочим вы советуете лишь бороться за белый хлеб, но притом на веки вечные оставаться рабами.

— Позвольте!.. — возмущённо перебил Токарев.

— Не позволю, — решительно отрезал Бабушкин. — Вы уже тут много говорили. И цитировали всё подряд, к месту и не к месту. Кстати, зловердно цитировали...

— То есть как? — вскочил Токарев.

— Очень просто, — ответил Бабушкин. — Вот вы из Ульянова привели отрывок...

Бабушкин наизусть прочитал несколько фраз из статьи Владимира Ильича.

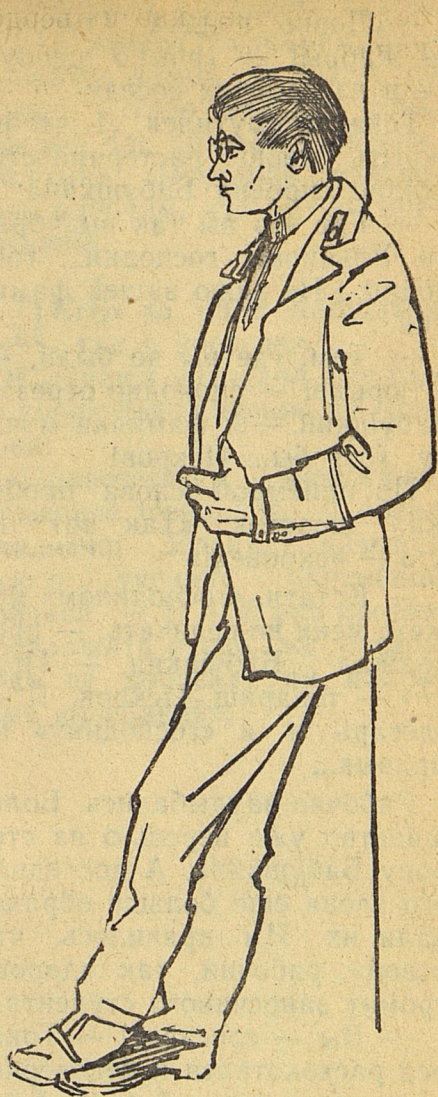
— Вы этим хотели доказать, что Ульянов противоречит сам себе: то призывает рабочих к экономической борьбе, то почему-то набрасывается на вас, «экономистов». Но вы сжульничали, господин студент...

— Прошу выбирать выражения, — вспыхнул Токарев.

— Повторяю — сжульничали, — твёрдо произнёс Бабушкин. — Вы оборвали цитату там, где вам выгодно. Владимир Ильич действительно призывает рабочих бороться против штрафов. А дальше — вы помните, что он говорит дальше?!

Токарев пожал плечами.

— Дозвольте тогда напомнить... — И Бабушкин на-

изусть прочитал большой отрывок из той же статьи Владимира Ильича.

— Смысл высказываний Ульянова вполне ясен! — сказал Бабушкин. — Экономические требования должны быть лишь составной частью нашей борьбы с царизмом. Только широкой политической борьбой завоюют пролетарии свободу!

Собравшиеся зашумели.

— Ловко поддел студента за жабры! — громко шепнул один из рабочих соседу.

Токарев смутился. И, чтобы скрыть свою растерянность, ехидно спросил Бабушкина:

— Где это вы так вызубрили Ульянова, господин... господин... Не знаю вашей фамилии...

— Там, где вы не были, — в тюрьме! — спокойно отрезал Бабушкин. — А фамилия моя... ну, хотя бы... Искров!

По приёмной снова пробежал шепоток: «Так вот это кто — искровец!»

— Кстати, «господином» можете меня не величать, — продолжал Бабушкин. — Просто — товарищ Искров. Я — слесарь и к «господину» не привык...

Рабочие заулыбались. Большинство уже перешло на сторону Бабушкина. А последние его слова ещё больше обрадовали их. Им нравилось, что «свой», рабочий, так здорово громит заносчивого студента.

— Вы — слесарь?! — Токарев расхохотался и недоверчиво оглядел строгий чёрный костюм, манишку и шляпу Бабушкина. — Ой ли? Рабочие грамоте и то, к сожалению, не все обучены, а тут... — он насмешливо скривил губы, — такой блеск мысли, такое красноречие!..

— Вот и видно, что вы втайне презираете рабочих! Считаете их отсталыми, быдлом, скотом! — гневно воскликнул Бабушкин. — А передовые рабочие понимают не меньше вашего, господин студент. И

твёрдо знают, что правда на стороне Ульянова.

— Верно! — громко поддержал Бабушкина пожилой наборщик, сидящий в зубо-врачебном кресле.

Когда Бабушкин заявил, что он — слесарь, наборщик обрадовался. Но потом недоверчиво подумал. Нет ли тут подвоха? Слесарь ли он? Наборщик поглядел на руки Бабушкина и сразу убедился — да, слесарь! Руки у Бабушкина — сильные, мозолистые, в застаревших ссадинах и царапинах. А большой палец искривлён и отогнут назад, как у большинства слесарей.

Токарев растерялся. Он считал себя главой Петербургской партийной организации. А тут — такой позор! И при рабочих! Он снова хотел взять слово, но собрание зашумело.

— Пусть лучше товарищ Искров расскажет об Ульянове! — крикнул наборщик. — Давненько мы «Искру» не видели...

— Могу вам помочь, товарищи, — сказал Бабушкин и вытащил из внутреннего кармана пиджака несколько аккуратно сложенных, отпечатанных на очень тонкой бумаге номеров «Искры». — Пожалуйста, берите...

Рабочие потянулись за газетами. Этого уж Токарев не мог вытерпеть. Здесь, на собрании «экономистов», распространять враждебную газету! Возмутительно! И он покинул помещение, так громко хлопнув дверью, что старик врач обеспокоенно выскочил из со-

седней комнаты: уж не жан-дармы ли пожаловали?

А Бабушкин ещё долго беседовал с рабочими.

Врач, прислушиваясь из соседней комнаты к громкому, чёткому голосу незнакомца, испуганно поправлял пенсне, упорно соскакивающее с переносицы. Никогда ещё на собрании «экономистов» не раздавалось таких боевых речей.

Каждые три — пять минут кто-либо из присутствующих, надев повязку на щёку и скривив лицо, словно от нестерпимой боли, покидал кабинет зубного врача.

Никита Фёдоров, прощаясь, как клещами, стиснул руку Ивану Васильевичу и радостно шепнул:

— Попало Вышибале!

Бабушкин, приложив платок к щеке, вышел последним. Возвращаясь домой на Охту, он думал: «Надо каждый день, каждый час драться с «экономистами», неустанно разъяснять рабочим, что это — предатели!»

...ДЕНЬ за днём Бабушкин так и поступал.

И лучшей наградой ему было коротенькое письмо из Лондона:

«Приветствуем энергичное поведение Новицкой, — писал Владимир Ильич, называя своего ученика партийной кличкой. — И ещё раз просим продолжать в том же боевом духе, не допуская ни малейших колебаний».

Баллада

О

Владиславе Титове

Иосиф Курлат

Рисунок

П. Вискова

Бывает:
Устанешь,
Не выстоишь,
Сдашь.
Но спросит тихонько
Совесть:
— А как же,
Зубами держа
Карандаш,
Титов писал
Свою повесть?

И вновь меня
Этот день найдёт:
Увижу штрек
В испарине капель
И человека,
Что, как на дот,
Бросает себя
На кабель.

Птицей пленённой
Забьётся боль,
Во рту онемееет
Слово,
Когда шесть тысяч
Смертельных вольт
Пронзят моё сердце
Снова.

Ночи в больнице
Тревожно тихи,
А что впереди —
Неизвестно...
Прийти бы
на помощь,

Но это — стихи,
И выдумки здесь
Неуместны.

Хирурги
Нос не вешать
Велят.
Домом надолго
Стала палата.
И руки —
Которых уж нет —
Болят
В пустых рукавах
Халата.

Кто-то вздыхает:
— Не повезло!
Кто-то согласен:
— Точно...
Но человек —
Всем смертям
назло! —
В строй
возвращается
Прочно.

Всякое будет потом:
Не вдруг
И не по гладкой
Дорожке
Придёт к нам книга,
Наставник и друг,
В красной,
Как знамя,
Обложке.

О. ПАНКУ-
ЯШ

Рис.
М. Бекта-
шева

НЕОБХОДИМЫЕ УСЛОВИЯ

Ну случилось — и случилось!.. И незачем тратить время, спрашивая, как это могло произойти, почему и т. д. и т. п.

Я закончил седьмой класс. Закончил на 99 процентов. Остался один процент, всего один процентик, один лишь процентишка на осень. Хотите назвать это переэкзаменовкой — назовите переэкзаменовкой.

Сейчас июль месяц — это важно! — и я должен начать готовиться к экзамену. Точнее: я уже начал. Естественно, я начал с главного. А главное в этот период — создать соответствующие условия для занятий. Без этих условий ничего не выйдет. Можешь даже не являться осенью на экзамен. Наверняка провалишь его.

Итак, я начал создавать себе условия. Первое условие, необходимое для учёбы, — это тишина. Абсолютная тишина. Полная. Чтобы и мухи не слышно было. Так вот, чтобы создать такую тишину, мне пришлось потратить два дня. И не зря: я выловил 17 мух. Одну

в моей комнате, а остальных всюду, где только можно было. Я не отрицаю, что это небольшое число, но не моя вина — просто выдалось несколько холодных, дождливых дней, и мух стало мало. Даже та, которая попала в нашей комнате, раньше жила на кухне у моей тётки, в доме на другом конце улицы: я сунул её в спичечный коробок, отвёз к себе, выпустил и потом стал за ней охотиться. Это было нелегко. Мне пришлось бороться целых два часа. Точнее: 8 таймов по 15 минут. Борьба кончилась, понятно, нокаутом. Но так как я человек предусмотрительный, я подумал: «Сейчас июль месяц, и возможно, что погода скоро изменится, опять станет жарко и появятся мухи».

И я побежал купить липучек. Я побывал в четырёх магазинах. В первых трёх я ничего не нашёл и потребовал жалобную книгу, чтобы высказать своё возмущение по поводу плохого снабжения. В четвёртом магазине мне удалось их найти, и я записал благодар-

ность за хорошее снабжение в книгу предложений.

Как только я вернулся домой, я развернул бумажные ленты и развесил их в моей комнате. Всюду, где только можно было. И принялся ждать. Я слушал радио и ждал целый день, но ни одна муха не прилипала. До самой передачи «Спокойной ночи, ребята» я так и не смог увидеть, чтобы хотя бы одна муха попала на липучку. После передачи я перестал заниматься мухами, потому что дети должны ложиться спать ровно в девять часов — диктор так сказал.

Мероприятие «тишина» на этом не кончилось. Следующую операцию я назвал: «Борьба с телефонными звонками». Я обзвонил всех моих друзей и попросил больше не беспокоить меня ни одним звонком, так как мне нужно заниматься.

Пользуясь случаем, что я ему позвонил, мой друг Фэнел прочёл мне по телефону всю газету «Спорт». Он не хотел, чтобы я тратил время на беготню в киоск за газетой. Маричика тоже проявила настоящую дружескую заботу: так как мне нужно было заниматься и у меня не хватало времени сходить в кино, она по телефону рассказала мне содержание двух кинофильмов, причём один из них был цветной.

Но ведь не только мои друзья могли позвонить и оторвать меня от учёбы. Были ещё и друзья моих родителей, родственники, знакомые. Я взял папину записную книжку с номерами телефонов и попросил всех их не звонить к нам до осени.

Полтора дня я ещё потратил на то, чтобы создать соответствующую окружающую обстановку, приятный фон для работы. Это, говорят, очень ободряет, поднимает тонус. Я прошёлся по нескольким садам и нарвал самых разных цветов, я разрисовал абажур настольной лампы. Сначала я нарисовал футбольный мяч и бутсы, потом я стёр всё ранее на-

рисованное и изобразил парусную лодку. Но этого мне показалось недостаточно, и я захотел добавить чайку. К сожалению, места для неё не оказалось. Я хотел было стереть лодку, как вдруг абажур перестал быть абажуром. Мне пришлось выбросить бывший абажур, а потом потратить уйму времени, чтобы объяснить маме то, что, по-моему, не нужно было объяснять. Но ведь и великий Пикассо, должно быть, иногда ошибается и портит полотно, когда рисует голубей. А я всего лишь ученик седьмого класса...

В конце концов мои старания увенчались успехом. Несмотря на все трудности, мне удалось создать себе необходимые условия для учёбы.

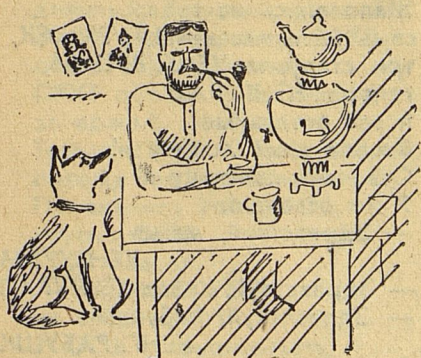
Главное было сделано. Теперь остался пустяк: нужно заниматься. Разумеется, это надо делать со всей серьёзностью. Я давно как-то слышал по радио в передаче «Советы врача» очень ценные указания по поводу предупреждения нервного истощения у детей школьного возраста. Там говорилось о том, что нужно разумно чередовать учёбу с отдыхом, с развлечениями. Я решил, что мне будет полезно начать с... последнего. А разве есть лучший отдых, чем футбольный матч? Вы не знаете, матч «Прогресс» — «Динамо» не отложили? А на кубок завтра кто играет?

Ох, всё могло бы протекать совершенно нормально, если бы папа не вмешался: «Какие условия? Какая обстановка? Какое нервное истощение? Что чередовать?»

Папа одним махом разрушил всё, что я с таким старанием и трудом создал. Теперь он в отпуске и никуда не уезжает. Он поднимает меня каждое утро в 7 часов и суёт мне в руки учебник по химии. В обед он меня спрашивает, а потом говорит, что я бы мог знать больше. Легко сказать «больше» в таких условиях!

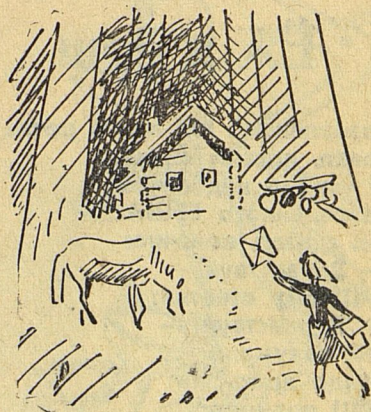
Перевод с румынского Ф. МИРЕНЕР

Стихи о далёком друге

В лесу,
Где гомон птичий,
Один, как лесовик,
Живёт-бывёт лесничий
По имени Лесник.
Есть у него собака
По имени Собака,
Отличная собака —
Её попробуй тронь!
Есть у него винтовка
По имени Двустволка,
Телега-колымага
И очень добрый конь.
Над крышей
Гомон птичий
И шорохи ветвей,
А в домике лесничий
Грустит без сыновей.
Они ушли когда-то,
На фронт, а не куда-то.
Они ушли в солдаты,
И нет их много дней.
И знают все деревья,
Высокие деревья,
Прекрасные деревья,
И в небе облака:
Один погиб в деревне
По имени Деревня,
Другой погиб у речки

По имени Река.
Зимой и жарким летом,
По пятницам и средам,
Почтарь приносит почту
В таёжное жильё.
Есть письма от рабочих,
От воинов и прочих,
И среди этих прочих
Одно письмо — моё.
Про то, как мы недавно
Справляли новоселье,
Про наш колхоз и школу,
Про речку, что вдали...
Письмо моё про нашу
Обыкновенную землю,
Которую когда-то
Солдаты сберегли.
Я сам войны не видел,
Не слышал и не видел.
Но память о героях
Я в сердце берегу.
Ребята,
Я прошу вас,
Вы тоже напишите
По адресу такому:
«Россия, Леснику».

Рисунки В. Меньшикова

Кенгуру

И сказала утром мама:
— Здравствуй, мальчик-
КЕНГУРАЛЬЧИК,
мой сынуля-КЕНГУРУЛЯ!
Поскорее просыпайся,
умывайся, одевайся!
Все проснулись, все бегут:
наш трамвайчик-КЕНГУРАЙЧИК,
самолётик-КЕНГУРОТИК,
электричка-КЕНГУРИЧКА
и кораблики-КЕНГУРАБЛИКИ!
А в обед сказал мне папа:
— Здравствуй, сын-КЕНГУРИН,
мой малыш-КЕНГУРЫШ!
Ешь капусту-КЕНГУРУСТУ,
простоквашу-КЕНГУРАШУ,
кукурузу-КЕНГУРУЗУ,
карамель-КЕНГУРЕЛЫ!
Как ты держишь вилку,
вилку-КЕНГУРИЛКУ?
Вечером сказала... бабушка:

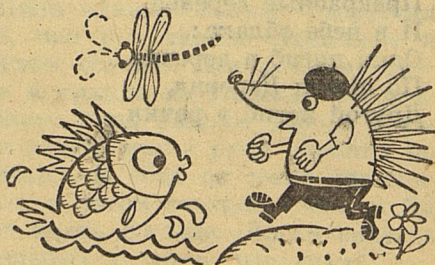
— Здравствуй, внучек-
КЕНГУРУЧЕК,
мой красавец-КЕНГУРАВЕЦ!
Ты опять попался —
ты опять подрался!
Жаловались на тебя:
семь мальчишек-КЕНГУРИШЕК,
три старушки-КЕНГУРУШКИ,
генерал-КЕНГУРАЛ
и все остальные!
Весело мне! Хохочу я!
Отвечаю, как хочу я!
Я им отвечаю:
— Здравствуй, мама-
КЕНГУРАМА!
— Здравствуй, папа-КЕНГУРАПА!
— Здравствуй, бабушка-
КЕНГУРАБУШКА!

Ёж и ёрш

Разозлённый ЁЖ вдоль речки
топал, иглами шурша.
И увидел недалеко
разозлённого ЕРША.
ЁЖ сказал, конечно:
— Здравствуй! —
ЁРШ ему ответил:
— Здравствуй! —
ЁЖ подумал:
«Надо драться!»
ЁРШ подумал:
«Надо драться!»
А по волнам прыгал луч,
лучик-зайчик-сорванец!
ЁЖ колюч.
И ЁРШ колюч.

ЁЖ храбрец.
И ЁРШ храбрец.
ЁРШ ершист.
ЁЖ тоже злобен.
Что ж решить!
Как быть! Как лучше!
Нужно ль драться, если оба
одинаково колючи!

Прут

В нашей роще вырос ПРУТ,
длинный, длинный, длинный,
очень справедливый ПРУТ,
очень справедливый!
ПРУТ обязан бить зверей
за враньё, разбои...
Только ПРУТ не бьёт зверей,
потому что — больно!
Провинился НОСОРОГ:
укусил ОСУ.

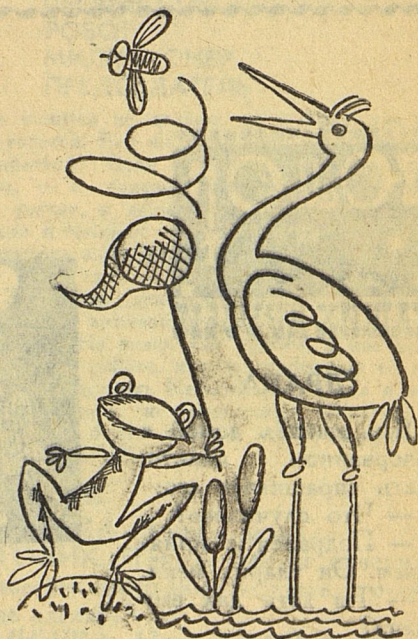
ПРУТ сказал:
— Ты, НОСОРОГ,
не кусай ОСУ!
У ОСЫ старушка-мать,
жить бедняге трудно!
Будешь ты ОСУ кусать?
— Никогда не буду!
Провинился КРОКОДИЛ:
возле баобаба
лопоухого ЩЕНКА
обозвал «собакой»!
ПРУТ сказал:

— Ты, КРОКОДИЛ,
обозвал ЩЕНКА.
Как не стыдно, КРОКОДИЛ —
обозвал ЩЕНКА!
У ЩЕНКА болит щека,
жить бедняге трудно!
Будешь обзывать ЩЕНКА?
— Никогда не буду!
Звери уважают ПРУТ,
говорят под липой:
— Очень справедливый ПРУТ,
очень справедливый!

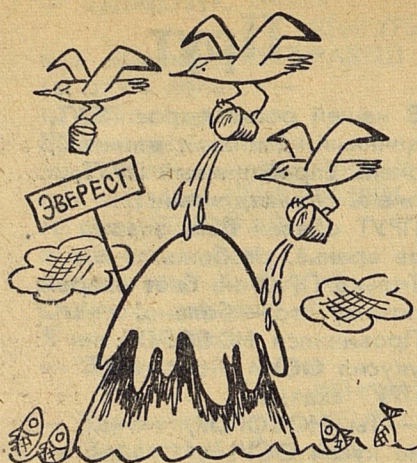
Муха

Жалко МУХУ, жалко!
Ест её ПАУК,
обижает ЖАБА,
жалит ЖУК,
БЫК хвостом ужасным
больно бьёт,
ЁЖ не уважает,
даже ЁЖ!
ЖАВОРОНОК мучит
и клюёт ЖУРАВЛЬ!
Жизнь у бедной МУХИ
тя-ж-ж-ела!
Но смеётся МУХА,
вьётся, веселится,
крылышками блещет,
как ЖАР-ПТИЦА!

Чайки

Вот как веселились ЧАЙКИ:
воду воровали
и на гору Эверест
воду выливали.
Чтобы море обмелело.
Чтоб гора обледенела.
Чтобы льдинки — трали-вали! —
как сто солнышек играли!
Гора — красивая!
Жизнь — счастливая!
Чтобы море опустилось,
чтобы рыба обнажилась,
чтобы рыбку не искать,
а лопатой вынимать!
Рыба — красная!
Жизнь — прекрасная!
Вот прошло четыре года.
Вот и вылили всю воду.
Море засохло.
Рыба подохла.
Чайкам захотелось есть.
Полетели.
И на гору Эверест
сели.

Холод.
Голод.
— Как жить?
— Как быть?
— Что
с нами?
Никто
не знает.

Рисунки А. Курушина

ДРАКА

Ясь пришёл домой в
разорванном пальто.
Мать спрашивает его:
— Что случилось?
— Подрался с прия-
телем. Он ударил меня.
— Ты хоть дал ему
сдачи?
— Да. Ещё перед
этим.

СЧАСТЬЕ

Ясь рассказывает
маме:

— Сегодня в школе
у меня был счастли-
вый день.

— Это приятно. А
что произошло?

— Я разговаривал
на уроке, и учитель хо-
тел поставить меня в
угол.

— Ну?

— Но, к счастью, все
четыре угла были за-
няты.

Рис. Г. Ясинского

пьеса в двух действиях

**ДЕЙСТВУЮЩИЕ
ЛИЦА:**

ТОЛИК
МИШКА
МАМА
ПАПА
ДОКТОР
АВТОР

УЧИТЕЛЬНИЦА
БОКСЁР
ТРЕНЕР
ПРОФЕССОР
РОБОТ
МИЛИЦИОНЕР
ПРЕДСЕДАТЕЛЬ

Перед началом первого действия на авансцену выходит автор.

АВТОР. Разрешите представиться. Я — автор. Я сочиняю различные истории. Это — моя работа. Не знаю, как у других, а у меня в работе бывают минуты, когда хочется всё бросить и поступить куда-нибудь ночным сторожем.

Прежде всего, начиная очередную историю, я обычно не знаю, чем она кончится. Кроме того, моя работа проходит на виду у людей и из-за этого случаются разные неприятности. Заметит кто-нибудь самую крохотную ошибку и начинает жаловаться. Бывают, конечно, авторы-отличники, кото-

рые ошибок не делают, но у меня так не получается. Всё же я, конечно, стараюсь не ошибаться. Если я пишу, допустим, про льва, то я стараюсь представить себе, как он рычит, и даже сам начинаю рычать. Когда я сочиняю о детях, то мысленно превращаюсь в ребёнка и тогда могу натворить бог знает что.

За целый день кем только не побываешь — и автомобилем, и кошкой, и даже девочкой. Не знаю, как другим, а мне нравится моя работа, и я не променяю её ни на какую другую. Каждый раз, когда я начинаю новую историю, меня охватывает ощущение, будто я лечу, лечу. А куда — неизвестно... (Уходит.)

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Эпизод первый

Уголок парка весной. Скамья. На скамье сидят Толик и Мишка. Вид у Мишки удручённый.

ТОЛИК. Не вздыхай. Сам виноват, а ещё вздыхает. Делал бы, как я говорил, ничего бы не было.

МИШКА. Я так и делал...

ТОЛИК. Так я тебе и поверил. Разве ты нормально можешь что-нибудь сделать?

МИШКА. Нет — так! Всё, как ты говорил. Сначала я сладкой воды налил на стол. Правильно?

ТОЛИК (*небрежно*). Давай, давай. Там видно будет.

МИШКА. Потом подождал, пока мухи соберутся. Потом включил пылесос и стал к ним подкрадываться. Три мухи засосал, а четвёртая полетела...

ТОЛИК. Ну вот. Разве я тебе говорил, летающих мух засасывать?

МИШКА (*оживляясь*). А летающих ещё интереснее. (*С гордостью*.) Это я сам придумал!

ТОЛИК. Тебе придумывать нельзя. Ты — невезучий. Я вот уже семьдесят две мухи засосал, а наш пылесос цел.

МИШКА. А верно, Толик, почему я такой невезучий? С самого детства... Всегда мне попадает. Мне даже во сне снится, будто я от кого-нибудь убегаю или прячусь. Знаешь, как во сне трудно убежать! Ноги переставляются медленно-медленно, как будто воздух мешает бежать. Меня во сне всегда догоняют...

Входит автор, останавливается в отдалении так, чтобы его не видели ребята.

ТОЛИК. Мишка, а у меня идея!

МИШКА (*с надеждой*). Как пылесос починить?

ТОЛИК. Нет. Получше. Нужно сделать большой пылесос, чтобы шланг доставал до неба, чтобы можно облака засасывать. Тогда никогда дождя не будет.

МИШКА. А куда облака девать?

ТОЛИК (*не задумываясь*). К фашистам. Пускай у них всё время дождь будет. Здорово?

МИШКА (*уныло*). Здорово. Только ты лучше придумай, что мне теперь делать.

ТОЛИК (*деловым тоном*). Он совсем перегорел?

МИШКА (*уныло*). Начисто.

ТОЛИК. Поставь аккуратно на место. Сложи шнур, как было. Кто первый включит — сам виноват будет. Понял?

МИШКА. Да у него ещё крышка раскололась.

ТОЛИК (*покровительственно*). Эх, Мишка, ничего ты во взрослых не понимаешь. Всегда тебя учить надо. Тогда так сделай. Родители придут — ты сразу признайся. Они очень любят, когда мы сами признаёмся,

МИШКА. Да пылесос-то не наш, а соседский.

ТОЛИК. Тогда не знаю. Тогда тебе только волшебная палочка поможет.

МИШКА. Какая ещё палочка?

ТОЛИК. Ну, сказки всякие, для детей... (*Скептически*.) Всё выдумывают, конечно... А вот если бы на самом деле... (*Оживляясь*.) Представляешь, если стать волшебником! Что бы ты сначала сделал?

МИШКА (*уныло*). Пылесос бы починил.

ТОЛИК (*мечтательно*). А я бы сначала сладкого наелся! Мне сладкое запрещают из-за зубов. А мне как раз чего запрещают, того и хочется. (*С воодушевлением*.) Потом я бы сделался вот такого роста. Для баскетбола. (*Толик вытягивает над головой руки*.) Нет, вот такого! (*Встаёт на скамью с вытянутыми руками*.) А потом я бы...

Входит доктор, обращается к Толику весьма добродушно.

ДОКТОР. А потом я бы слез со скамейки.

ТОЛИК (*в азарте*). А я бы не слез!

ДОКТОР. Почему?

ТОЛИК. Потому, что вы — это вы, а я — это я!

ДОКТОР. Мальчик, ты не болен?

ТОЛИК. А вы что — доктор?

ДОКТОР. Странно, но ты угадал. Я действительно доктор.

ТОЛИК. А я волшебник.

В отдалении появляется милиционер. Его замечает один Толик. Он быстро соскакивает на землю. Милиционер проходит стороной.

ДОКТОР. Это интересно. Какой же ты волшебник, злой или добрый?

ТОЛИК. Я?! Средний!

ДОКТОР. Это ещё более интересно. Я всегда представлял себе, что злые волшебники совершенно чёрные, а добрые волшебники совершенно белые. А ты вот — средний. Так какой же ты?

ТОЛИК. Да, какой же я?

ДОКТОР. Очевидно — серый! (*Уходит*.)

ТОЛИК (*раздумывая*). Я — серый. (*Возмущённо*.) Я — серый?! Мишка, ты слышал, он меня дураком обозвал?

МИШКА. Он тебя не обзывал. Просто сказал, что ты серый.

ТОЛИК. Но ведь серый — это значит тёмный, а тёмный всё равно что дурак!

МИШКА. Ничего это не значит. Ты лучше скажи, что с пылесосом делать?

ТОЛИК. Если бы не соседский... (Раздумывает. Достает из кармана монету.) На возьми. Отнеси пылесос в мастерскую — починят. Это мне мама на батон дала.

МИШКА. А как же ты?

ТОЛИК (небрежно). Скажу — потерял. Ещё дадут.

МИШКА (вздыхает). Нет, полтинника не хватит. Наверное, рубля три надо.

ТОЛИК. Тогда обожди, когда меня за мясом пошлют.

МИШКА. Мне сегодня надо.

ТОЛИК (сердито). Тогда не знаю. Давай полтинник обратно. (Берёт у Мишки деньги.) Иди домой. Я за батоном схожу и приду к тебе. Вдвоём будем думать.

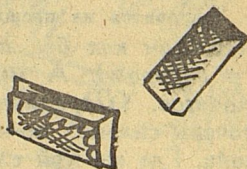
МИШКА. Только ты побыстрее приходи... (Уходит.)

АВТОР (зрителям). А мне нравятся эти ребята. Вот и прекрасное начало! Живут два друга. Один из них попадает в беду. В это время

другой... (Задумывается, начинает размышлять вслух, как бы прикидывая наперёд сюжетные ходы.) Другой — так... Потом вот так... Первый — туда... А в это время второй — сюда. И наконец... (Смеётся.) Ха-ха-ха! Забавно! Великолечно! Это будет история о том, как человек выручает из беды своего друга. (Окликает уходящего Толика.) Толик, стой! (Толик останавливается.) Подойди ко мне.

ТОЛИК (настороженно). А за чем?

АВТОР. Да ты не бойся. Уж я-то тебе плохого не сделаю.

ТОЛИК. А я и не боюсь. (Подходит к автору.) Я вас не знаю.

АВТОР. Это и не обязательно. Зато я знаю, что ты идёшь в булочную и что у Мишки сломался пылесос.

ТОЛИК. Ну и что особенного. Вы подслушивали.

АВТОР. Случайно. Чисто случайно. Кроме того, это было просто совершенно необходимо. Иначе я не смог бы вам помочь.

ТОЛИК. А вы — пылесосный мастер?

АВТОР. Нет, но кое-что я тоже могу. Ты мне скажи — Мишке здорово попадёт?

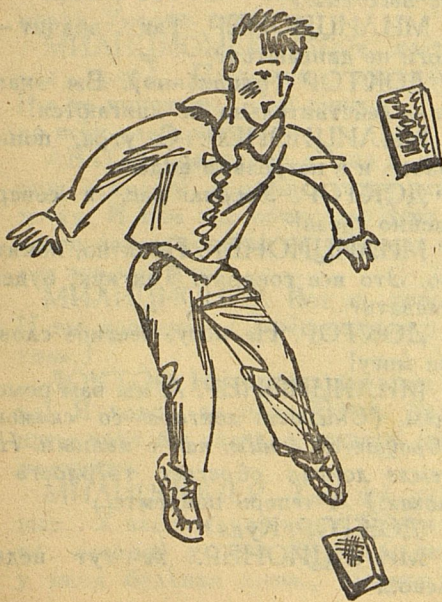
ТОЛИК. Обыкновенно. Дадут по шее раза три. Не разрешат телевизор смотреть... В кино не будут пускать... А может, ещё что-нибудь придумают.

АВТОР. Какое же из этих наказаний самое неприятное?

ТОЛИК. Кино... И телевизор, когда «детям до шестнадцати»...

АВТОР. А по шее это терпимо?

ТОЛИК. А чего ей сделается? Меня вот словами воспитывают. Говорят, говорят... Я уже всё наизусть знаю. А вы правда можете пылесос починить?

АВТОР. Может быть, и могу. Но я всё делаю чужими руками. Такая уж у меня профессия. Ты хочешь помочь Мишке?

ТОЛИК. Конечно, хочу.

АВТОР. Хорошо. С этого момента будет исполняться любое твоё желание. Или — нет, не любое, а только то, что тебе хочется по-настоящему. Ты понял меня? Очень, очень сильно хочется.

ТОЛИК (скептически). Понял. Вы из цирка? Вы — фокусник?

АВТОР. Даю слово, я не из цирка. А фокусник ли?.. Ну что ж, что-то такое во мне есть... (Уходя.) Помни — то, что очень сильно хочется...

Уходит, становится на прежнее место.

ТОЛИК (он как бы продолжает беседу с автором). А мне, может, слона хочется. (Пародируя автора.) Очень, очень сильно, по-настоящему хочу слона. Где же мой слон? Нету! Чего мне ещё хочется?

Задумывается. Звучит музыкальная фраза, означающая, что на сей раз желание — истинное. К ногам Толика падает несколько плиток шоколада. Он отскакивает. Затем, крадучись, идёт в сторону, откуда эти плитки вылетели. Всматривается. Никого нет. Поднимает одну плитку, пробует. Вкусно! Рассовывает плитки по карманам.

АВТОР (зрителям). Ничего, ничего... Это совершенно естественно: дети любят сладкое. Зато смотрите, как он теперь бросится выручать друга.

Входит доктор. В руках у него свёрток.

ДОКТОР. Ага, волшебник уже ходит по земле.

ТОЛИК. А почему вы меня дураком обозвали?

ДОКТОР. Кажется, я этого не говорил. Таких слов вообще нельзя говорить людям. И знаешь почему? Умный — обидится, а дурак — не поймёт.

ТОЛИК. Всё равно вы меня обозвали.

ДОКТОР. Ну, если говорить совсем точно, я тебе сделал замечание.

ТОЛИК. А вот если бы вы на скамью залезли, я бы вам ничего не сказал. Пожалуйста, хоть десять лет стойте.

ДОКТОР. Ну, спасибо. Но мне что-то не хочется. Я, видишь ли, от-

вык. Впрочем, я и в детстве по скамьям не ходил.

ТОЛИК. Да я знаю... Взрослые, когда про своё детство говорят, всегда рассказывают, будто они такие золотые были — прямо серебряные.

ДОКТОР. Гм... Это интересное наблюдение. Вот тебе за это апельсин. (Протягивает апельсин.)

ТОЛИК (не берёт. Он что-то задумал). А я знаю — вы тоже по скамейке ходили.

ДОКТОР. Когда же ты мог это видеть?

ТОЛИК (озорно). А вот сейчас... Та же музыкальная фраза. Доктор поспешно влезает на скамью. Он в растерянности.

ТОЛИК (с торжеством). Вот видите!

АВТОР (зрителям). Я всегда говорил: дети — это сплошные загадки. Входит милиционер. Толик замечает его и убегает. Милиционер подходит к доктору.

МИЛИЦИОНЕР (отдаёт честь. Тоном, не сулящим ничего хорошего для доктора). Старший сержант Бляхин!

ДОКТОР (машинально повторяет его жест). Алексей Павлович. Здравствуйте...

МИЛИЦИОНЕР. Прошу слезть.

ДОКТОР. Конечно, конечно... (Пытается слезть, но у него ничего не выходит.)

МИЛИЦИОНЕР. Так... значит — ноги не двигаются?

ДОКТОР (удивлённо). Вы знаете — действительно не двигаются!

МИЛИЦИОНЕР. С утра, понимаете, и в нетрезвом виде.

ДОКТОР. Уверю вас, я совершенно трезв!

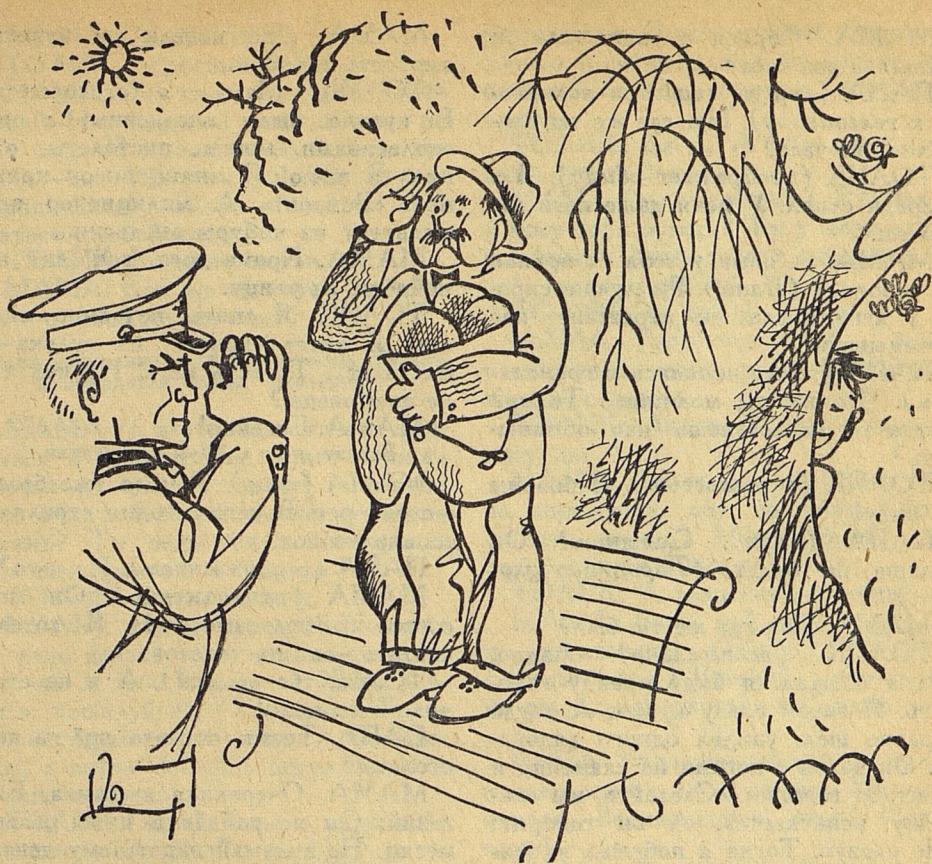
МИЛИЦИОНЕР. Понятно, понятно. Это все говорят. Так как, будем слезать?

ДОКТОР. Не могу, честное слово не могу!

МИЛИЦИОНЕР. А мы вам поможем. (Снимает доктора со скамьи, обращается с ним, как с пьяным. На земле доктор обретает твёрдость в ногах.) А теперь пойдёмте...

ДОКТОР. Куда?

МИЛИЦИОНЕР. А тут недалеко...

ДОКТОР. Но я совершенно не виноват. Уверяю вас.

МИЛИЦИОНЕР (берёт доктора под руку). Правильно, правильно. Вы не виноваты, я не виноват... Там во всём разберёмся.

АВТОР (подходит к ним). Товарищ старший сержант, одну минуточку. Я вам всё объясню. Этот человек действительно не виноват, скорее это моя вина.

МИЛИЦИОНЕР. Вот и хорошо. И вы пройдите. (Берёт под руку автора.)

ДОКТОР. Но у меня больная жена! Я ходил за продуктами. Разрешите хотя бы сначала отнести домой продукты.

МИЛИЦИОНЕР. Там всё разрешат... У вас больная жена, (указывая на автора) у него больная жена, у меня больная жена... Идёмте ти-

хонько, спокойно. Вот так. (Уводит обоих.)

Эпизод второй

Кухня в квартире Толика. Мама Толика стоит у газовой плиты. Кухонный стол, на котором стынет обед Толика. Входит Толик с батоном в руке.

МАМА (с угрозой). Ты где был?

ТОЛИК. Мама, ты знаешь, какая очередь! Тысяча человек!

МАМА. И все за батонами?

ТОЛИК. Я сам удивился. Все — за батонами!

МАМА. Так где же ты был всё-таки?

ТОЛИК. Мама, я есть хочу. (Садится за стол, берёт ложку.)

МАМА. Положи ложку! (Зовёт.) Евгений!

Входит папа. Когда он открывает дверь, в кухню врывается шум трансляции хоккейного матча.

МАМА. Спроси у него, где он слонялся два часа?

ПАПА (ему не терпится вернуться к телевизору). Ну, где же ты слонялся два часа?

ТОЛИК (изображает обиду). Я в очереди стоял. У меня даже ноги заболели.

МАМА. А язык у тебя от вранья не заболел? (Папе.) Ты лучше спроси у него, когда он перестанет нас обманывать?

ПАПА (прислушиваясь к трансляции). Что же ты молчишь, Толик? Когда ты перестанешь нас обманывать?

ТОЛИК (с лёгкостью). Я больше не буду!

ПАПА (маме). Слышишь? Он больше не будет. (Торопливо уходит.)

МАМА. Так где же ты был?

ТОЛИК (решительно). Ладно. Раз я обещал, я буду правду говорить. Я батон сразу купил. А когда обратно шёл, увидел одного дяденьку. Он залез с ногами на скамейку и стоит. Я говорю: «Слезайте, вы скамейку испачкаете». А он говорит: «Не слезу». Тогда я побежал за милиционером. Мы с милиционером пришли, а его уже нет, только следы остались на скамейке. Милиционер стал следы распутывать, а мне сказал, чтобы я наблюдал за улицей. Я наблюдаю, смотрю — он идёт по другой стороне. У него в руках кулёк, а в кульке — пистолеты...

МАМА. Две недели не будешь смотреть телевизор.

ТОЛИК. Мама, я оговорился! В кульке были апельсины, а под апельсинами, может, пистолеты, откуда я знаю! Я милиционеру крикнул: «Вот он!» А милиционер как выхватит из кобуры апельсины...

МАМА. Кроме того, три дня не пойдёшь на улицу.

ТОЛИК. Я опять нечаянно сказал! Я хотел сказать: из кулька — пистолет... То есть нет... Ну как ты не понимаешь?

МАМА. Евгений!

Входит папа. Шум трансляции.

МАМА (папе). У меня уже больше сил нет. В него сегодня стреляли из апельсинов.

ПАПА (с удивлением). Из чего?

МАМА (раздраженно). Он мне совсем голову заморочил. Я хотела сказать — из пистолетов.

ТОЛИК (с обидой). А я не сказал, что в меня!

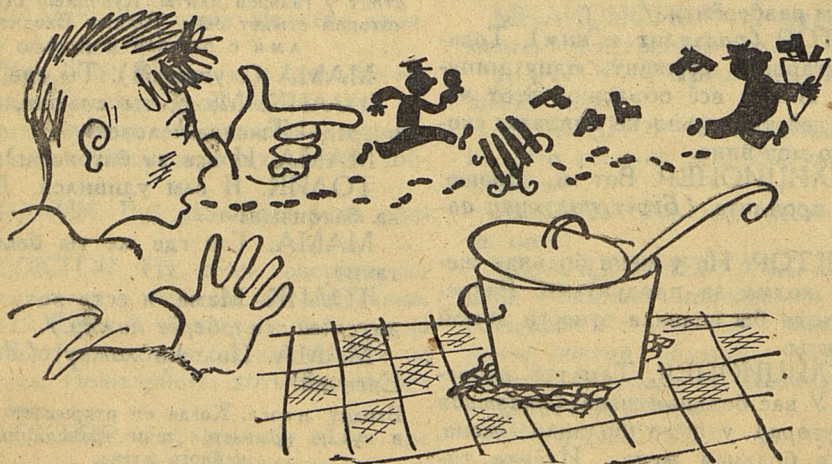
ПАПА. Толик, что это ещё за пистолеты?

МАМА. Очередная выдумка, Евгений. Он не пойдёт в кино целый месяц. Не вздумай давать ему денег.

ПАПА (торопливо). Да, да, конечно. Толик, ты у меня денег не проси.

ТОЛИК. Я и не собираюсь просить. Натё ваши деньги. (Вынимает из кармана сдачу, кладёт на стол.)

ПАПА (маме). Ты извини. Наши проигрывают ноль-один. (Торопливо уходит.)

МАМА. Садись есть.

ТОЛИК (*строптиво*). Не хочу!

МАМА. Ты что, голодовку объявил? Ну, подумай сам: пропал на два часа. Я ждала, волновалась, думала — с тобой что случилось. Я разнервничалась. Разве я могла держаться с тобой иначе?

ТОЛИК. Конечно, могла.

МАМА. Как же ты хотел бы, чтобы я с тобой держалась?

Толик задумчиво смотрит на маму. Звучит музыкальная фраза «желания».

МАМА (*с этого момента она держится и говорит так, будто единственная ее цель — сделать приятное для сына*). Что же ты не кушаешь, Толик? Ты ведь так устал: целых два часа простоял в очереди.

ТОЛИК. Я супа не хочу.

МАМА. Ну и чудесно! Никогда не надо делать того, чего не хочется. Сейчас я тебе положу второго. Садись, пожалуйста. (*Усаживает Толика, накладывает ему еду.*) Покушай, а потом пойдешь погулять. Или в кино сходишь.

ТОЛИК (*жуя*). В кино не успеть, я в школу опоздаю.

МАМА. Ничего страшного. Опоздаешь один раз, ничего со школой не случится.

ТОЛИК. У меня уроки не выучены.

МАМА. Уроки, уроки... Сплошные уроки! Погулять не дадут ребёнку. Дети должны играть, а не уроками

заниматься. Знаю я этих учителей, только и смотрят, как бы задать побольше. Ты их, сынуля, поменьше слушай.

ТОЛИК. Да-а... А потом сама же меня ругать будешь.

МАМА (*с изумлением*). Я?! Разве я могу тебя ругать? Ты у меня единственный! Хотя совсем не учишься, я тебе слова не скажу!

ТОЛИК (*он поел*). А папа?

МАМА (*торжественно*). Толик, у тебя такая мама, что тебе никакой папа не страшен.

ТОЛИК. Ладно, тогда я лучше погуляю.

МАМА. Золотые слова! Вот тебе на мороженое, вот на кино. (*Дает Толику деньги.*) Может быть, тебе ещё что-нибудь нужно?

ТОЛИК. А велосипед купишь?

МАМА. Боже мой, как я раньше не догадалась! (*Зовёт.*) Евгений! (*Входит папа.*) Евгений, можешь ты на секунду оторваться от своего хоккея?

ПАПА (*приелушивается к тому, что доносится из-за двери*). Уже оторвался. Великолепная игра! Один-один!

МАМА. Евгений, мы с тобой совершенно безобразно относимся к своему сыну.

ПАПА. Вот как?

МАМА. Да. Он такой застенчивый, сам спросить не решается... А мы даже и не догадываемся, какое у него горе.

ПАПА. Какое же у него горе?

МАМА (*патетически*). У него нет велосипеда!

ПАПА. Ну и что из этого?

МАМА. Евгений, у всех, абсолютно у всех детей, кроме нашего сына, есть велосипеды!

ПАПА. Так уж абсолютно!.. У Миши, например, нет.

МАМА. Мне нет дела до Миши. У нас есть свой сын. Мальчик страдает, мучается, а мы даже не обращаем на него внимания.

ПАПА. Десять минут назад ты говорила другое.

МАМА. Не помню, что было десять минут назад, но сейчас я вижу: мы жестоко относимся к своему сыну.

ПАПА. Ты знаешь, у нас сейчас

нет денег. Велосипед может обожда-ть.

МАМА. Велосипед может, Толик — нет!

ПАПА (с недоумением). Толик, что ты сделал с мамой? (Толик скромно отворачивается. Маме.) Что с тобой случилось?

МАМА (твёрдо). Ребёнку нужен велосипед!

ПАПА. По-моему, он его не заслужил.

МАМА. А по-моему, он заслужил его тысячу раз.

ПАПА (начинает нервничать). Хорошо, мы поговорим об этом после. Толик, выйди из кухни!

МАМА. Толик не выходи!

ПАПА (сдерживаясь). Толик, иди в комнату! Немедленно берись за уроки. Никакого велосипеда тебе не будет!

МАМА (звонко). Толик, не ходи в комнату! Не садись за уроки! У тебя будет два велосипеда. Самых дорогих, самых лучших!

ПАПА (повышая голос). Ты могла бы не спорить со мной при ребёнке!

МАМА. А что тебе ребёнок! Ты его совсем не любишь!

ПАПА. Я не люблю?

МАМА. Ты не любишь! Ты его ненавидишь!

ПАПА. Нет, это невозможно! (Уходит.)

МАМА (Толику). Ты видишь, Толик, какой страшный человек твой отец!

ТОЛИК (он несколько напуган оборотом, который приняло дело). Мама, может быть, велосипед потом купим? А сейчас я просто погуляю.

МАМА. Нет, не потом. Я этого так не оставлю. Евгений! (Входит папа.) Евгений, мы купим ребёнку велосипед?

За дверью раздаётся неистовый рёв болельщиков.

ПАПА (вслушиваясь). Посмотрим.

МАМА. Нет — купим! (Снова рёв.)

ПАПА (безнадёжно махнув рукой.) Хорошо... (Уходит.)

МАМА (она сразу успокоилась).

Ну вот, Толик, видишь, как всё просто. У тебя замечательный отец, Толик...

Эпизод третий

По авансцене медленно бредёт Мишка. Навстречу ему, приплясывая и напевая что-то, выходит Толик.

ТОЛИК. Мишка, я тебя везде ищу. У меня необыкновенное происшествие!

МИШКА (мрачно). У меня ещё необыкновеннее. Ты чего ко мне не пришёл?

ТОЛИК. Мишка, я не мог никак. У меня такие чудеса начались! Я совсем про тебя забыл. Мишка, мне велосипед купят!

МИШКА. Ты только про себя и думаешь.

ТОЛИК. А вот узнаешь, что со мной случилось, тогда посмотришь.

МИШКА. У меня тоже случилось...

ТОЛИК. Ну что у тебя может случиться — неприятности какие-нибудь? А у меня приятности!

МИШКА. Я, может быть, из дома убежал...

ТОЛИК. Куда убежал?

МИШКА. Сам не знаю куда. Убежал — и всё.

ТОЛИК. Почему?

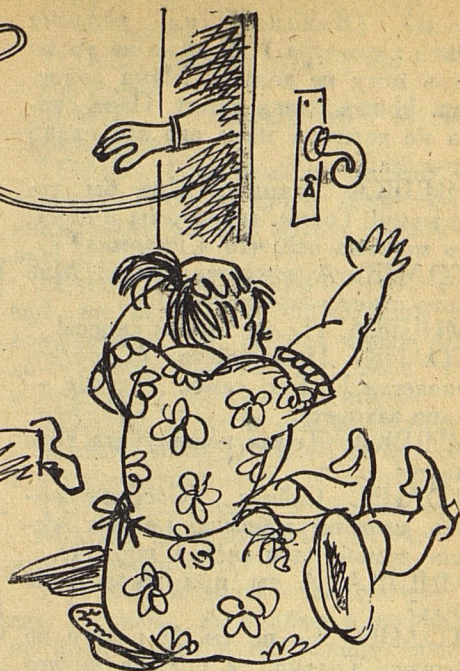
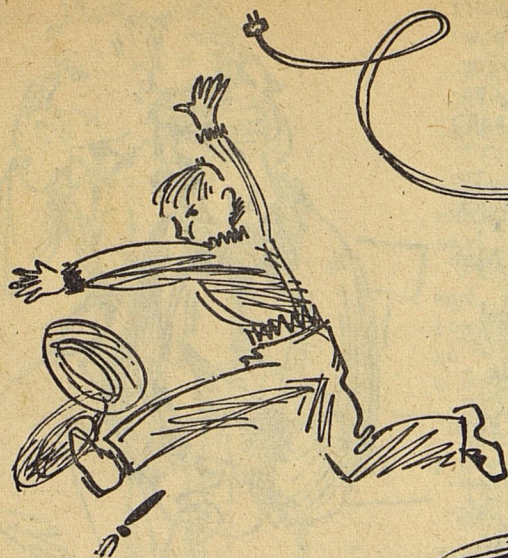
МИШКА. Потому что не везёт мне, вот почему. Я домой пришёл, а мама спрашивает: «Ты пылесос трогал?» Я сразу признался, как ты сказал.

ТОЛИК. Ну и правильно. Извинился?

МИШКА. Извинился, конечно. А она спрашивает: «Ты знаешь, что это не наш пылесос?» Я говорю: «Знаю». И сразу сказал, что больше не буду.

ТОЛИК. Всё правильно. А она что?

МИШКА. А она как влепит мне по затылку — я прямо в комнату влетел. Лечу и думаю: сейчас она мне ещё даст. Тогда я от страха взял и на ключ заперся. Она стала дверь дёргать и кричит: «Открой, хуже будет!» Я и сам знаю, что хуже будет, а всё равно открывать боюсь. А она ещё сильнее дёргает. А около двери на стуле какой-то шнур лежал. Я взял

и шнуром ручку прикрутил. Со страху даже не сообразил, какой это шнур... (Умолкает.)

ТОЛИК. Эх ты... Извиниться даже не умеешь как следует! Сколько раз тебе говорил: моргать надо сильнее. Вот так. (Показывает.)

МИШКА. Тебе легко говорить! А я испугался. Она соседку позвала. Они вдвоём стали дёргать. Замок сломался... И дверь как дёрнется! И шнур как дёрнется!

ТОЛИК (с любопытством). А шнур от чего был?

МИШКА (уныло). От телевизора, от чего же ещё...

ТОЛИК. Ну, конечно, разбился?

МИШКА. Нет, даже не упал, только с места съехал.

ТОЛИК. Чего же ты тогда панику поднимаешь?

МИШКА. А телевизор этажерку толкнул...

ТОЛИК. Ничего ты толком рассказать не умеешь. Этажерка, что ли, упала?

МИШКА. Ну да.

ТОЛИК (с удовольствием). Ну вот, так бы и говорил.

МИШКА. А ей ничего не сделалось, она деревянная.

ТОЛИК. Мишка, чего ты мне голову морочишь? Говори сразу — чего разбил?

МИШКА. На этажерке часы стояли...

ТОЛИК. Так, значит, часы разбились?

МИШКА. Ну да, они на диван упали, ничего им не сделалось.

ТОЛИК. Выходит — ты ничего не разбил? Этого быть не может!

МИШКА. Конечно, не может. Когда замок сломался, мама стала за мной по комнате бегать. А я от неё всякими вещами загораживался, чтобы не поймала. Вот тут я телевизор и свалил...

ТОЛИК. Разбился?

МИШКА. А ты как думал!

ТОЛИК. Эх ты, невезучий. Ещё удивляюсь, что часы целые остались.

МИШКА. А они и не остались. Телевизор сначала на них упал, а потом на пол.

ТОЛИК. Всё это ерунда. Вот я сейчас тебе расскажу... (Озирается.) Иди сюда...

Отводит Мишку в сторону. Рассказывает ему что-то шёпотом, поясняя свой рассказ жестами.

МИШКА. Я тебе — серьёзно, а ты мне сказки рассказываешь...

ТОЛИК. Честное слово! Смотри!

Видал!? (Вынимает из кармана плитки шоколада.) Я даже на уроки теперь могу не ходить. Мама разрешила. И велосипед купят. Папа сначала не хотел, а мама его всё равно заставила.

МИШКА. Законно! Мне бы такую маму! Толик, значит, ты и починить можешь всё, что я наломал?

ТОЛИК. А ты как думал! Мне только стоит захотеть!

МИШКА. Ну ты захоти скорее!

ТОЛИК. Пожалуйста. (Сосредоточивается.) Тут самое главное — сильно захотеть.

МИШКА. Толик, пожалуйста, хотя сильнее!

ТОЛИК. Сейчас. (Сосредоточиваясь, шевелит губами.) Готово. Можешь домой идти, всё в порядке.

МИШКА. А ты про пылесос не забыл?

ТОЛИК. Я — не ты. Я ничего не забываю. Только ты больше ничего не ломай. Мне о себе тоже надо подумать.

МИШКА. А чего ты для себя хочешь?

ТОЛИК. А вот идём в школу — там увидишь. (Уходят.)

Учительская. За столом сидит Майя Владимировна — учительница географии. Входит Толик.

ТОЛИК. Майя Владимировна, вы меня вызывали?

МАЙЯ ВЛАДИМИРОВНА. Вызывала. (Указывает на стул.) Садись.

ТОЛИК. Ничего, я постою.

МАЙЯ ВЛАДИМИРОВНА. Ну, постой, если так удобнее. (Выходяще смотрит на Толика.) Ну?

ТОЛИК. А чего?

МАЙЯ ВЛАДИМИРОВНА. Ты ничего не хочешь мне сказать?

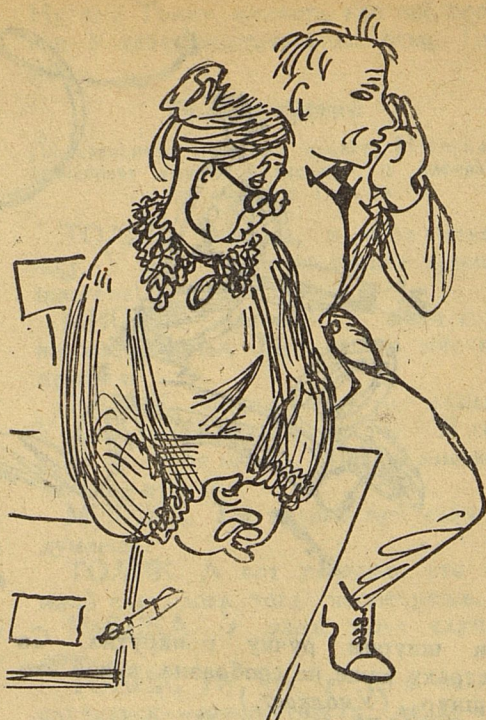
ТОЛИК. А чего мне говорить?

МАЙЯ ВЛАДИМИРОВНА. Например, объяснить, почему ты опоздал в школу. Только не сочиняй.

ТОЛИК. А когда я сочинял? Я всегда правду говорю.

МАЙЯ ВЛАДИМИРОВНА (улыбаясь). Ну что ж, слушаю твою правду.

ТОЛИК (суёт руку в карман, горючо). Я занимался. Майя Владими-

ровна! Я уроки учил. Я так увлёкся, что совсем про школу забыл. Посмотрел на часы, а уроки уже начались. Я всю дорогу бегом бежал...

МАЙЯ ВЛАДИМИРОВНА. Может быть, ты не в ту сторону бежал? За час ведь можно далеко убежать.

ТОЛИК. Почему за час?

МАЙЯ ВЛАДИМИРОВНА. Потому что ты из дома ушёл за час до уроков.

ТОЛИК. А вы откуда знаете?

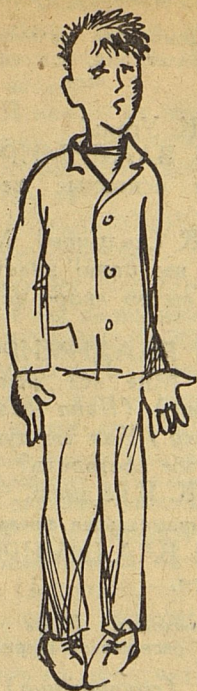
МАЙЯ ВЛАДИМИРОВНА. Я звонила к вам домой. Говорила с твоим отцом. Он мне и сказал, когда ты ушёл. Выходит, один из вас меня обманул.

ТОЛИК (решительно). Майя Владимировна, я вас обманул. Но это не считается.

МАЙЯ ВЛАДИМИРОВНА. Вот как? Почему?

ТОЛИК. Я, когда говорил, в кармане фигу держал. Тогда обман не считается. Это вроде шутки.

МАЙЯ ВЛАДИМИРОВНА. Ну что ж, шутить так шутить. Я попросила твоего отца зайти после уроков в школу. Только без всякой фигуры.

ТОЛИК (испуганно). А он придёт?

МАЙЯ ВЛАДИМИРОВНА. Наверное, он уже вышел.

ТОЛИК. Эх, Майя Владимировна, лучше бы вы маму вызвали...

МАЙЯ ВЛАДИМИРОВНА. Её не было дома. А твой отец, кажется, сейчас в отпуске. По-моему, очень удобный случай нам с ним познакомиться.

ТОЛИК. Да совсем вам не нужно с ним знакомиться. Меня мама воспитывает. Папе некогда.

МАЙЯ ВЛАДИМИРОВНА. Тогда тем более интересно с ним поговорить. А пока — продолжим с тобой. Сегодня ты получил две пятёрки...

ТОЛИК. Вот видите! Сами говорите, что получил. А сами родителей вызываете!

МАЙЯ ВЛАДИМИРОВНА (не обращая внимания на слова Толика). Первую ты получил за домашнее сочинение. Там не было ни одной ошибки.

ТОЛИК. Вот видите! Сами говорите...

МАЙЯ ВЛАДИМИРОВНА. У кого ты списал?

ТОЛИК (горячо). Ни у кого! Честное слово!

МАЙЯ ВЛАДИМИРОВНА. Опять фига?

ТОЛИК (протягивает раскрытые ладони). Нет, смотрите, Майя Владимировна! Честное слово, не списывал!

МАЙЯ ВЛАДИМИРОВНА. Это ещё не всё. Тебя спрашивали по арифметике. Ты отвечал очень плохо — просто ничего не знал. Но в журнале у тебя стоит пятёрка.

ТОЛИК. Я же не сам её поставил.

МАЙЯ ВЛАДИМИРОВНА. Вот я и интересуюсь — кто её поставил?

ТОЛИК. Учитель, а кто же ещё?

МАЙЯ ВЛАДИМИРОВНА. За невыученный урок?

ТОЛИК. Я знаю — вы думаете, я сам поставил. А я даже к журналу не прикасался. У нас вообще никто такими делами не занимается.

МАЙЯ ВЛАДИМИРОВНА. Раньше действительно не занимались.

ТОЛИК. А вы спросите у математика, кто её поставил!

МАЙЯ ВЛАДИМИРОВНА. Толя, я тебя не первый год знаю. Мальчик ты сообразительный, неглупый. Ты прекрасно понимаешь, чем грозит тебе эта пятёрка. Пойди к учителю математики, извинись. Я с ним тоже поговорю. Ведь если дело дойдёт до педсовета, тебе даже я не смогу помочь.

ТОЛИК. Да честное слово, он сам поставил!

Робко входит папа Толика.

ПАПА. Здравствуйте.

МАЙЯ ВЛАДИМИРОВНА. Добрый день. Проходите, присаживайтесь. (Папа садится неподалёку от Майи Владимировны.) Я вас сразу узнала. Ваш сын очень на вас похож.

ПАПА (вздыхая). Если бы так... Что он опять натворил?

МАЙЯ ВЛАДИМИРОВНА. А вот мы как раз выясняем. Отвечай, Толя.

ТОЛИК. А что на сегодня задано?

МАЙЯ ВЛАДИМИРОВНА. Раз-
ве ты не знаешь, что задано?

Папа сокрушённо качает головой.

МАЙЯ ВЛАДИМИРОВНА. На
сегодня задано: полезные ископае-
мые европейской части СССР.

ТОЛИК (*чешет затылок*). ...иско-
паемые?

МАЙЯ ВЛАДИМИРОВНА. Да.

ТОЛИК. Полезные?

МАЙЯ ВЛАДИМИРОВНА. Да,
да.

Папа ёрзает на стуле.

ТОЛИК (*тянет время*). А только
в европейской или в других — тоже?
МАЙЯ ВЛАДИМИРОВНА (*тер-*
пеливо). Только в европейской.

ТОЛИК (*бодро*). Полезные иско-
паемые европейской части СССР...
(*задумчиво*) в европейской части
СССР много полезных ископаемых...
Они очень полезны... Их очень мно-
го... Все они ископаемые... В европей-
ской части...

МАЙЯ ВЛАДИМИРОВНА (*спо-
койно*). Какие же ты знаешь полез-
ные ископаемые?

ТОЛИК (*деловито*). А что, про
все рассказывать?

МАЙЯ ВЛАДИМИРОВНА. Рас-
сказывай о тех, что знаешь.

ТОЛИК. Майя Владимировна, их
же много!

МАЙЯ ВЛАДИМИРОВНА. На-
зови хоть некоторые.

ТОЛИК (*задумывается. Радос-*
тно). Железо!

МАЙЯ ВЛАДИМИРОВНА. Ты
хочешь сказать — железная руда. Где
находятся основные месторождения
железной руды?

ТОЛИК (*бодро*). В европейской
части СССР. Такая руда... вся же-
лезная...

МАЙЯ ВЛАДИМИРОВНА. Где
именно в европейской части?

ТОЛИК (*бодро*). Под землёй.

МАЙЯ ВЛАДИМИРОВНА (*не
повышая голоса*). Какие ты знаешь
ещё полезные ископаемые?

ТОЛИК (*задумчиво*). Которые
под землёй?

МАЙЯ ВЛАДИМИРОВНА. Да.

Папа ёрзает всё сильнее. Не в силах
удержаться, он подсказывает.

ПАПА (*шепчет*). Уголь...

Майя Владимировна мельком смотрит на
него, но делает вид, что ничего не заме-
чает.

ТОЛИК. Уголь!

МАЙЯ ВЛАДИМИРОВНА. Где
находятся основные месторождения
угля?

ТОЛИК (*подумав*). Майя Влади-
мировна, вы баню знаете на нашей
улице? Там во дворе целая гора ле-
жит.

МАЙЯ ВЛАДИМИРОВНА. До-
статочно. Мне всё ясно... (*Папе.*)
Вам — тоже? (*Папа разводит рука-*
ми. Толику.) Как ты думаешь, что я
должна тебе поставить?

ТОЛИК. Я не знаю,

Звучит музыкальная фраза «желания».

МАЙЯ ВЛАДИМИРОВНА. Мо-
жешь идти.

Толик выходит. Майя Владимировна
раскрывает журнал.

ПАПА (*сокрушённо*). Да, за та-
кой ответ единицы много.

МАЙЯ ВЛАДИМИРОВНА. Еди-
ницы? Ну почему же? (*Пишет в жур-*
нале.) Я ставлю ему пять.

ПАПА (*натянута смеётся*). Я по-
нимаю... Но мне сейчас не до шуток...
Мне стыдно за своего сына, Майя
Владимировна.

МАЙЯ ВЛАДИМИРОВНА. А я
не шучу. И стыдиться за своего сына
вам не нужно. Он способный маль-
чик.

ПАПА. Но... он же ничего не
знает!

МАЙЯ ВЛАДИМИРОВНА. Да?
Мне этого не показалось. Он под-
робно рассказал о железной руде,
о каменном угле. Даже привёл при-
мер, как уголь применяется при отоп-
лении. У него неплохие знания.

ПАПА. В таком случае, он умело
скрывал их.

МАЙЯ ВЛАДИМИРОВНА. Вы
слишком строги к своему сыну. К де-
тям нужно быть снисходительными.
Толик живой, сообразительный маль-
чик. Кстати, сегодня он получил две
пятёрки.

ПАПА. Но вы же сами позвали
меня, чтобы поговорить о его пове-
дении?!

МАЙЯ ВЛАДИМИРОВНА. Да. И мне приятно сказать вам, что поведение его становится лучше не по дням, а по часам.

ПАПА. Я ничего не понимаю. Моя жена говорит то же самое, но я-то ведь не слепой. Вы действительно поставили ему пять?

МАЙЯ ВЛАДИМИРОВНА. Конечно. Посмотрите сами.

Показывает папе журнал.

ПАПА. Я вас не понимаю.

МАЙЯ ВЛАДИМИРОВНА. По-стараясь объяснить. Бывают ученики, к которым нужен определённый подход. Ваш сын как раз из таких... Действие снова переносится на авансцену, по которой проходят доктор и автор.

Автор выглядит озабоченным.

ДОКТОР. Вы напрасно так переживаете. Поверьте, я ничуть на вас не в обиде. Напротив, то, что вы мне рассказали, очень интересно. И вы совершенно правильно поступили, что не стали ничего объяснять в милиции — вам бы просто не поверили.

АВТОР. Но вы заплатили штраф...

ДОКТОР. Пустяки. Сейчас главное, чтобы вы не расстраивались. Ведь сочинять, наверное, можно только в хорошем настроении?

АВТОР. Да как сказать... Грустное настроение — приходят грустные истории, весёлое — весёлые. Я люблю и те и другие. Сочинять нельзя, если злишься. Тогда ничего путного не получается.

ДОКТОР. А вы не могли бы рассказать, что будет дальше? Хотя немного. Я крайне заинтересован.

АВТОР. Я и сам толком не знаю.

ДОКТОР (*удивлённо*). Вы не знаете?

АВТОР. Конечно. В этом-то и заключается самое интересное. Что за удовольствие знать всё заранее! Вы ведь никогда не начинаете читать книгу с конца.

ДОКТОР. Вы правы. Так, пожалуй, даже занятнее. Но вот мы сейчас с вами расстанемся и, может быть, никогда не встретимся. И я не узнаю, чем всё это кончится.

АВТОР (*улыбаясь*). Доктор, раз уж вы попали в мою Историю, не думайте, что так просто из неё выберетесь.

ДОКТОР. Вот и чудесно! Скажите только одно: штрафовать меня ещё будут?

АВТОР. Нет.

ДОКТОР (*торжествующе*). Ага, значит, кое-что вы всё-таки знаете!

АВТОР (*уклончиво*). Так... кое-что... весьма приблизительно...

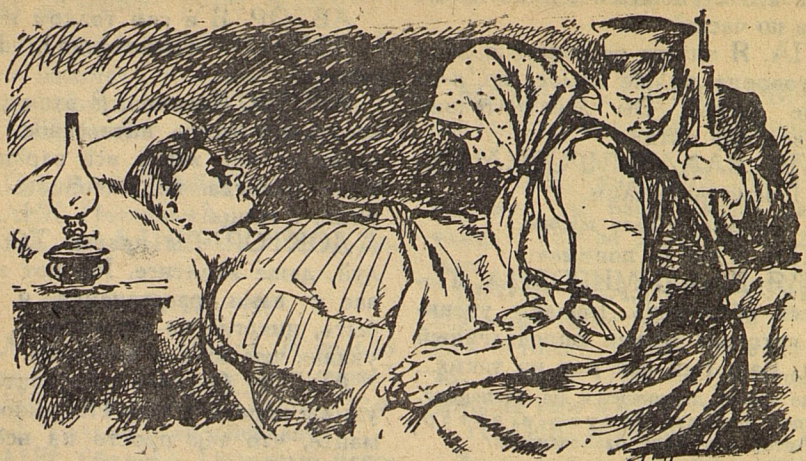
ДОКТОР. Ну, хорошо, хорошо. Не буду вас ни о чём спрашивать. Очень рад был с вами познакомиться. До свидания.

АВТОР. До свидания. Не сердитесь на меня.

ДОКТОР. Пустяки. Я ведь уже говорил.

АВТОР. Да нет, я — на будущее...

(Окончание следует)

ПОДСНЕЖНИКИ

Рисунки В. Бескаравайного

Конкретное началось в конце, когда человек в шинели расплескал свою злость и несколько успокоился. Он попросил чаю, попробовал, брезгливо сморщился:

— Что за бурда?

— Брусничные листья, — сказала мать.

— Не забыть бы!.. Занесу вам чаю на обратном пути.

— Мы не нищие! — повысила голос мать.

Гость холодно усмехнулся:

— Вы можете его не трогать. Будете заваривать в те дни, когда я буду приходить.

Степан тоже усмехнулся, подумал про себя: «Недолго ты к нам походишь!». А мать не стерпела — высказалась вслух:

— Следующий раз и такого не подам!

— Хватит, В-ксенья! — крикнул Степан и обозлился на жену, на самого себя. На жену за то, что в такой момент она не сдержала язык, а на себя — за это странное «В-ксенья». Он ведь чуть не проговорился, чуть не назвал её по привычке Варварой.

Гость не придавал значения оговорке. Кто их разберёт — эти народные говоры! Зовут же Александра — Саней, а Ефима — Юшей. Не ответил он и на дерзкие слова матери. Презрительно отодвинув чашку с брусничным чаем ещё дальше от себя, он, как и в начале разговора, тихонько пошлёпал ладонью по столу.

— Семён Егорович! О дальнейшем... Теперь ты скоро получишь некий грузец и инст-

Продолжение. Начало в «Искорке» № 4 за 1968 г.

рукцию, что с ним делать. Выполнишь — и можешь собирать вещички для переезда на Елагин остров... Был я там. Какое запустенье... А когда-то...

— Когда? — прервал эти воспоминания Степан.

Человек не понял вопроса и Дорохов повторил:

— Когда груз будет?

— Скоро.

— Кто принесёт?

— Увидишь.

— Всё в жмурки играем?

— Осторожность, Семён Егорович! Знаешь, сколько светлых голов уже склонилось долу!.. Береги свою. И от них береги, и от нас. У них судят, а у нас предателя — без суда!

Мать загремела печной заслонкой, а Степан Дорохов опустил глаза, чтобы не выдать себя. Он уже решил, что отпустит этого человека. Его нельзя спугнуть ни словом, ни взглядом. Только тогда придёт тот — второй, с грузом. Надо ждать. Рано захлопывать лодку.

Дорохов проводил гостя до крыльца. Сразу же подскочили мальчишки, изнывавшие от нетерпения и любопытства.

Человек в шинели снова превратился в обычного красноармейца и добродушно спросил:

— Как замок, разбойники?

— Керосину мало! — пожаловался Федька.

— Ишь, богатеи! В двух хатах живут, а ещё недовольны!

— А мы довольны! — сказал Карпуха.

— Правильно! Нос вешать — последнее дело! А керосин достанете! В Ораниенбауме, го-

ворят, дают! — Человек протянул Степану Дорохову руку. — Бывай здоров, Семён Егорович!.. А чай-то я прихвачу, если не забуду. На бабий язык обижаться — сам знаешь!..

— Знаю! — согласился Степан.

Человек поправил ремень и направился к заливу. Там он вышел на прибрежную тропку и, свернув вправо, вскоре скрылся за деревьями.

— Пойти за ним! — шепнул Федька.

— Я тебе пойду! — пригрозил отец и, шагнув в сени, предупредил: — Ждите во дворе!

Степан Дорохов думал, что не скоро удастся ему столкнуться с женой. Но она умела иногда решать быстро, без лишних слов. Оба понимали, что отлучаться из дома нельзя ни ему, ни ей. Посланец с грузом мог появиться каждую минуту. Опасались они и сегодняшнего гостя. Вдруг он будет следить за ними? Поездка в Ораниенбаум Степана или жены сразу насторожит его. А ехать необходимо. Крутогоров должен знать все подробности, о которых по телефону не расскажешь. Оставалось одно — послать ребят. Мать согласилась.

И через полчаса трое мальчишек пошли на полустанок. Федька нёс пустую железную банку для керосина. Ещё через час они втроём ввалились в кабинет Крутогорова.

— Был, дядя Вася! Был! — с порога прокричал Федька.

Крутогоров заткнул уши:

— Оглушишь.

Он вышел из-за стола, устало потёр глаза.

— Забыл, сколько суток не сплю... Садитесь-ка!

Мальчишки сели на диван и нетерпеливо заёрзали. Круто-

горов пристроился рядом с ними, пощёлкал ногтём по банке.

— Это что?

— Вообще-то под керосин, а сейчас для вида! — ответил Федька. — Ты слушай!

— А ты успокойся. Посиди, подыши... Когда спокойно, я лучше понимаю.

Крутогоров взял банку, открыл дверь, крикнул в коридор:

— Семёнов! Наполни!

Оставив банку за порогом, он вернулся к дивану.

— Ну, давай! Только не торопись.

Федька не мог не торопиться. Ему представлялось, что рассказывать придётся долго, и он трещал как пулемёт, но быстро выдохся. Оказалось, что не так уж много он знал. Всё, что он видел и что приказал передать отец, уложилось в какие-нибудь пять минут.

— Дела-а! — по своему обычаю произнёс Крутогоров и стал задавать вопросы.

Сначала мальчишки отвечали по очереди, а потом чаще всех — Гриша. У него лучше получалось — яснее и точнее. Федька с Карпухой тоже старались точь-в-точь пересказать виденное, но как-то само собой выходило чуть-чуть преувеличенно.

— Он ка-ак махнёт на крыльцо! — с жаром говорил Карпуха. — А руки — в карманах! В одном у него — наган, а в другом — граната!

— Не так! — поправлял его Гриша. — Он только одну руку в карман засунул. А что там — мы не знаем.

Карпуха обиженно надувал губы, но, подумав, соглашался.

— Усищи у него — во! — говорил Федька и показывал руками до ушей.

— Нет! — возражал Гриша. — Усы не очень большие. Чёрные.

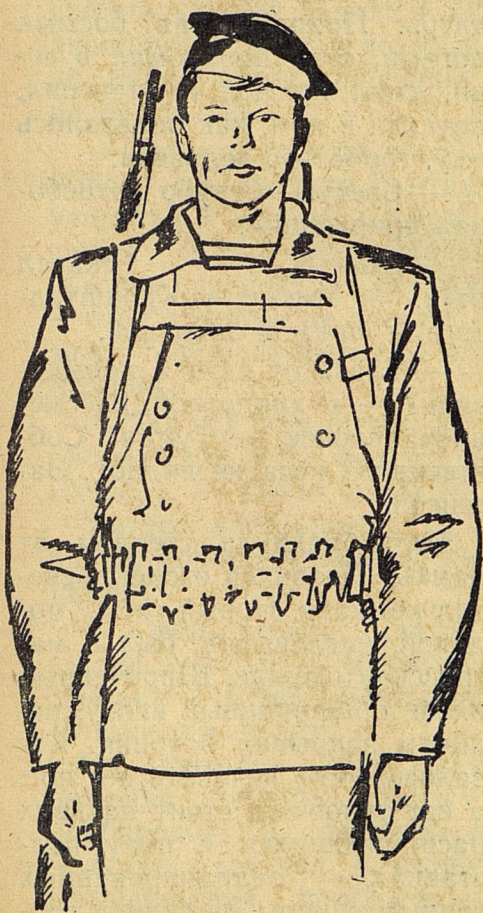
— Я же сам видел! — горячился Федька. — Вот такие! — и он показывал пальцами усы уменьшенного размера.

Гриша отрицательно качал головой:

— Ещё меньше.

И Федька послушно сдвигал пальцы.

Разговор затянулся. Крутогоров расспрашивал дотошно.

К тому же им мешали. То и дело в комнату заходили какие-то люди. Василий Васильевич обменивался с ними короткими фразами. Зашёл и Самогор. Удивился:

— Вы чего? Неужели...

— Ага! — воскликнул Федька. — Только ты ушёл, а он тут как тут!

— Ну и как? — глаза у Самогора по-мальчишески заблестели.

— Занимайся своим делом, товарищ Алтуфьев! — строго произнёс Крутогоров.

Самогор вытянулся, но ответил просто, не как начальнику:

— Всё готово, Василий Васильевич... Пришёл проститься... Мало ли!.. Гидра им в глотку!

— Ты мне панихиду не устраивай! — насупился Крутогоров. — Давай поцелую! — Он встал, как сына, взял матроса за уши, притянул к себе и поцеловал. — Иди! Дуру не ищи!

Самогор сгрёб мальчишек длинными руками:

— Мамке кланяйтесь!

— Что это за дура? — спросил Гриша, когда матрос ушёл.

Крутогоров смотрел задумчиво в окно.

— Дура?.. Пуля — дура!

— А куда он?

Василий Васильевич не ответил. Он всё ещё смотрел в окно. А по стеклу вдруг кто-то хлестанул, как плёткой. Что-то провыло над самой головой и с шипеньем унеслось в залив. Выстрелы посыпались один за другим — артиллерия Ораниенбаума открыла огонь по Кронштадту.

ПУЛЯ — ДУРА

К вечеру обстрел прекратился. Выполз туман, растёкся по льду залива и беззвучными валами стал накатываться на тёмный, без единого огонька берег. Канонада испугала людей. Все попрятались по домам. Света не зажигали. Им казалось, что любой лучик, промелькнувший в окне, может притянуть тяжёлый крупнокалиберный снаряд мятежного Кронштадта. Но Котлин молчал. Молчали и линкоры, притаившиеся у острова.

Мальчишки в тот вечер опять переселились на чердак. Мать постелила им у тёплой трубы, а матрос Зуйко, посланный Крутогоровым, лежал в одежде у самого спуска в сени. Он тяжело ворочался на жёсткой подстилке и приглушённо вздыхал.

— Ты спи! — заботливо сказал Карпуха. — Купря не пропустит — разбудит!

— Он и ночью каркает? — спросил матрос.

— И ночью!

— Что-то я ночных ворон не встречал!.. Филины — те кричат ночью, а вороны спят.

— Он у меня учёный! — похвастался Карпуха. — Его бы ещё с месяц дома подержать, он бы и говорить научился!

Помолчали.

Зуйко, как и Крутогоров, как и многие в те тревожные дни, спал мало. Но и сейчас ему никак не удавалось уснуть. Он встал, подошёл к чердачному окну. Чернота за стеклом была тяжёлая, вязкая, непроглядная.

— Туманушка! — услышали мальчишки и не поняли, почему голос у матроса такой одобрительный.

— Хорошо разве? — спросил Гриша.

— Хорошо! — отозвался Зуйко. — Самогору легче...

— Кар-р! — отрывисто прозвучало над крышей и ещё два раза: — Кар-р! Кар-р-р!

Мальчишки вскочили на ноги.

— Замрите! — приказал Зуйко.

Внизу заскрипела кровать. Отец с матерью, наверно, тоже не спали и слышали карканье ворона. Минутой позже раздался короткий стук в дверь. Пришлёпывая босыми ногами, отец прохромал в сени, снял крючок и отступил, впуская в дом, как показалось ему, горбатого человека.

— Свету! — грубо потребовал пришедший.

— Опасно, — сказал отец. — Увидят в Кронштадте и — прямой наводкой.

— Глаза от страха повылазили? — с хрипотцой рассмеялся человек. — Туман! Собственного носа не видно!.. Зажигай!

Мать брякнула стеклом от лампы. Появился огонёк, осветил комнату. Новый гость, молодой, нагловатый, был в матросской одежде. Широченный клёш, обшарпанный внизу, целиком закрывал ботинки. Казалось, что у человека нет ног, а его туловище стоит на двух расширяющихся к полу подставках, задрапированных чёрным сукном. За спиной гор-

бился большой заплечный мешок. Матрос скинул ляжки, стукнул тяжёлым мешком о половицы, осмотрелся, заглянул на печку.

— Щенки где?

— Щенки — на псарне! — отрезала мать.

— Ребята на чердаке спят, — торопливо объяснил отец. Он не хотел преждевременно ссориться.

— Где керосин? — спросил матрос.

— Зачем тебе? — насторожился Дорохов.

— Н-надо! — с подвохом произнёс гость и сам увидел в противоположном от печки углу керосиновую банку, с которой мальчишки ездили в Ораниенбаум. Он сильно ударил по банке ногой, проверяя — не пустая ли.

— Ты что разгремелся? — Ребята на чердаке притихли, услышав в голосе матери те самые нотки, за которыми обычно следовала расправа. А отец крикнул от досады. Он знал: теперь её ничем не оставишь.

— Ты где это шумишь? — продолжала мать, подступая к матросу. — Сопля солёная!

Матрос восторженно осклабился, дохнув водочным перегаром:

— Огонь-баба!.. Давай к нам на корабль — комиссаром сделаем! Порох бездымный! И вывеска ничего!

Он протянул руку, чтобы шутиливо ущипнуть мать за подбородок, и, получив две оплеухи, отскочил в сторону. Бесшабашная, весёлость ис-

чезла. Матрос посмотрел на отца, не сумевшего сдержать улыбку:

— Хмылишь! Небось сам получал?.. Как ты живёшь с этим боцманом!

Гость присел к столу, сдёрнул бескозырку, внутренней стороной потёр щёки, заалевшие от ударов, уставился на белые буквы ленточки с надписью «Севастополь», с пьяной слезливостью произнёс:

— Бьют морячков!.. Все бьют, кому не лень!..

— Ты бы не лез, где бьют, — сказал отец.

— Если б знать!.. А вы-то куда лезете? Или из бывших? Как барон Вилькен?.. А нюх у него, у собаки!.. Не успели шелохнуться — он уже на корабле! Ходит по «Севастополю» и зубы скалит! Опять вроде капитана! Кулачки сучит, сукин сын! На нас сучит!.. Отбой бы сейчас сыграть, да поздно!.. Завязли! В мёртвую зыбь попали!

Матрос треснул по столу кулаком, слепыми, налитыми кровью глазами уставился на отца.

— Куда прёшь, хрыч?.. Или из бывших? Как барон?

— Из будущих.

Матрос махнул рукой, напялил бескозырку, выругался и словно протрезвел.

— Какое мне дело?.. Пропадайте!.. Держи! — Он выложил на стол какую-то бумажку. — Адреса. В мешке девять ракетниц и по десять патронов. Как пойдут войска на лёд — пусть сигналият... Чтоб хоть не

как крыс! Чтоб с музыкой!.. Э-эх!

Матрос встал, покачнулся, будто хмель опять ударил ему в голову, тяжело дотащился до двери, ногой распахнул её, обернулся, хотел сказать что-то, но только выругался и повторил:

— Пр-ропадайте!

Тут его и взял за локти поджидавший в сенях Зуйко. Взял

крепко, надёжно. Отец снял с кровати ремень, помог скрутить локти за спиной. Связанный сыпал отборными ругательствами, извивался на полу, лупил ногами в стену.

— Ребята! — крикнул Зуйко, задрав голову к потолку. — Принесите мои ботинки!

Он торопился. Пока отец седлал Прошку, Зуйко обулся, обыскал матроса, связал ему

и ноги. Когда отец вернулся, они вдвоём подняли матроса, вынесли во двор и уложили поперёк коня. Зуйко забрался в седло.

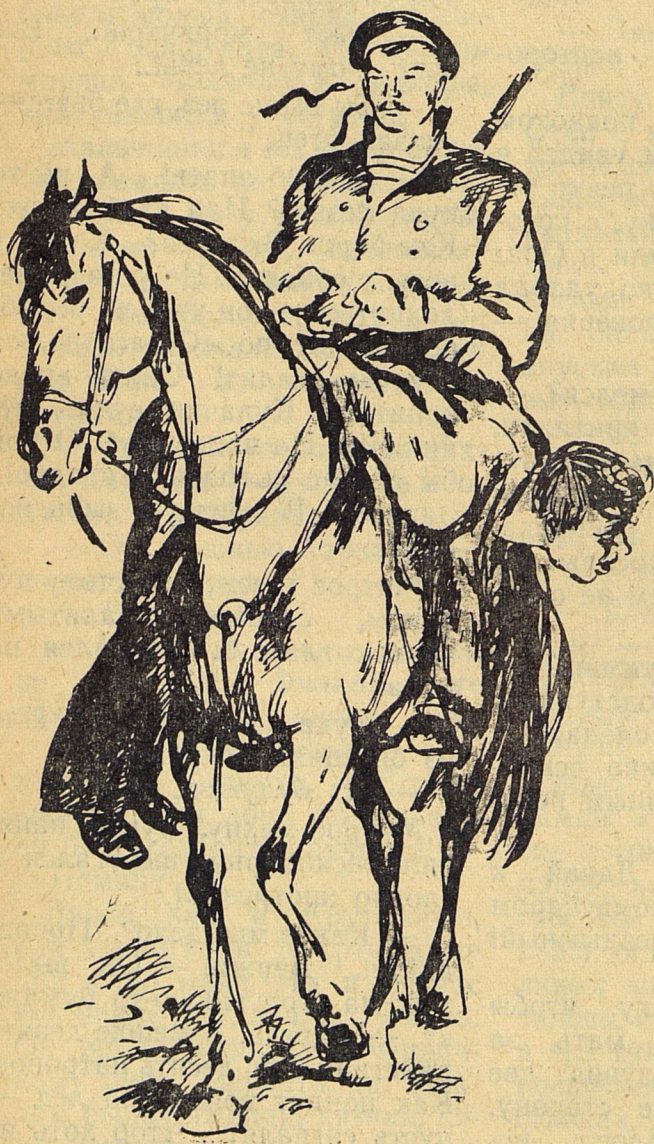
— Не тяжело двоих-то? — спросила мать. — Не испорти мне Прошку!

— Мы с Самогором не раз на нём вдвоём ездили, — ответил Зуйко и причмокнул на коня.

Приглушённый ватным туманом, в темноте проскрипел голос связанного матроса:

— Из будущих?.. Ха!.. Дошло-о!..

Дороховы вернулись в дом. Мальчишки окружили мешок, валявшийся на полу. Только отец развязал его и

вытащил ~~пять~~ широкоствольную новенькую ракетницу, как затархатели выстрелы. Все подумали о Зуйко. Может быть, связанный матрос сумел освободиться от ремней и попытался убежать? Не в него ли стреляет Зуйко?

Мать спросила у отца:

— Ремень-то крепкий был? Хорошо ты ему руки скрутил?

— А ну тебя! — обиделся отец. — Это разве один стреляет? И не рядом, далеко!

Когда вышли на крыльцо, стало ясно, что стреляют в Кронштадте. Отец прислушался и сказал, словно видел всю картину собственными глазами:

— Батальон наступает... Нет! Полк, пожалуй!.. Наши!.. А те, в крепости, огрызаются... Десяток пулемётов работает!

Выстрелы то сливались в непрерывный гул, то следовали очередями, то гремели надрывным густым залпом и снова скручивались в тугий единый грохот. И было во всём этом что-то до жути неестественное, фантастическое. Ночь. Туман. Тьма. Мёртвый берег. А в заливе трещало, рушилось, взрывалось. Толпа исполинов во мраке топала по льду, вламывала его и крошила тяжёлыми железными каблуками...

— Ох и народу поляжёт! — произнёс отец. Он знал, что такое — штурмовать крепость, да ещё по льду.

— Зато возьмут Кронштадт — и конец! — сказал Федька.

— Дай-то бог! — вздохнула мать.

В такие минуты трудно найти себе место. Всё, что ещё недавно волновало и тревожило Дороховых, стало до смешного мелким. О связанном матросе, о человеке в красноармейской шинели позабыли даже мальчишки. По сравнению с тем, что происходило на заливе, эти события казались ничтожными.

И домой не хотелось идти. Разве улежишь в постели, когда гремит бой, когда совсем рядом гибнут люди...

Мать послала Карпуху погасить лампу, и Дороховы вышли на берег залива. Долго стояли они там, не чувствуя ни мороза, ни колкого снега, кружившегося в тумане.

Звуки боя постепенно затихали. Тьма уже не гремела. Доносились лишь пулемётные очереди и одиночные выстрелы. И те вскоре прекратились.

— Взяли, — неуверенно сказал Федька.

— Не знаю, — с сомнением ответил отец. — Больно мало...

— Чего мало-то? — недовольно спросила мать.

— Огня...

Солдатское чутьё подсказывало отцу, что крепость не взята. В Кронштадте много пушек. А сколько их на линкорах! Огонь был бы плотней, мощней. Заговорили бы пушки всех калибров, если бы взбунтовавшиеся кронштадтцы почувствовали, что наступающие одолевают их.

У матери были свои приме-

ты. Наступившая тишина давила, угнетала, а тьма стала ещё более густой. Ей казалось, что всё было бы другим, если бы пал мятежный угрожающий Кронштадт, который, как гнилой зуб во рту, торчал в Финском заливе, и боль от этого зуба чувствовалась по всей России.

Неизвестность — хуже всего. Дороховы продолжали стоять на берегу, надеясь как-нибудь узнать, чем всё кончилось.

— Хоть бы «ура» крикнули! — сказал Гриша. Он читал в какой-то книге, что, овладев крепостью, победители обязательно кричат «ура».

— Мы бы не услышали — далеко! — отозвался Карпуха.

— «Ура» и враги могут кричать! — добавил Федька. — Вот если бы «Интернационал» сыграли — тут уж точно было б!.. Собрали б сто трубачей — и до нас бы дошло!

Но никто не трубил над заливом.

Где-то около деревни послышались голоса. Осмелев, люди повыходили из домов и, наверно, так же, как Дороховы, гадали и спорили, в чьих руках крепость.

До рассвета было ещё далеко, но посветлело: то ли туман поредел, то ли луна глянула сверху. Мутным размытым пятном появился на льду камень, у которого мальчишки лизали утром сосульки. Слева показалось ещё одно пятно. Оно двигалось, росло, разделилось на несколько человеческих фигур. Двое шли впереди,

четверо — сзади. Они тащили на шинели раненого или убитого.

Отец шагнул им навстречу. Теперь он был уверен, что бой проигран, но спросил всё же:

— Ну как там?

— Труба! — ответил кто-то. — Куда это нас вынесло?

Отец назвал деревню.

— Ого! Вправо взяли!.. Раненый у нас. Есть чем перевязать?

— Несите в дом, — устало сказала мать.

Мальчишки побежали зажигать лампу и готовить кровать для раненого. Его так на шинели и положили поверх простыни. Мать подошла с лампой и обомлела. Это был Самогор. Глаза закрыты. Торчал синеватый нос. У губ — тёмные с желтизной тени. На лбу — бисер пота. Он дышал. Руки были скрещены на животе, и пальцы намертво вцепились в бушлат. В живот угодили две пули.

Когда удалось разнять эти скрещённые руки, мать растегнула бушлат, приподняла тельняшку, осмотрела раны и заплакала.

— Не жалец...

Мальчишкам что-то сдавило глаза и выжало слёзы. Остальные потупились. Живые всегда чувствуют какую-то вину перед умирающим. Самогор пришёл в себя. Увидел мать. Постарался улыбнуться.

— А-а... Варва-а... Вот и... хорошо... Ты разоришь... меня... Опять придётся бутылку самогону ставить...

Надеялся матрос, что мать

перевязывает его, как и в прошлый раз, и снова поправится он с её лёгкой руки. Его глаза молили и упрекали её за то, что она не торопится, не требует горячей воды, йода и бинтов.

Потом он заметил своих товарищей, и мысли вернулись туда, на лёд. Он несколько ночей ползал вокруг Кронштадта, чтобы сегодня провести штурмующих самым безопасным и коротким путём.

— Много... убитых? — спросил он.

— Хватает, — ответили ему.

— Крутогорову скажите...

Он снова потерял сознание. Начал бредить. И грезилась ему в последние минуты не то родная мать, не то Варвара Тимофеевна. Он несколько раз повторил бессвязно:

— Маменька... Марва... Варва... Руки... золотые... Вот и хорошо. Самогон за мной.

Губы сложились в жалкую улыбку:

— Разо-оришь...

С этой шуткой он и умер.

ЖУК НА БУЛАВКЕ

Карпуху враг застал врасплох.

Федька с Гришей ушли в лес. Брусничные листья кончились, и мать послала их за рябиной. Всё лучше, чем хлебать пустой кипяток. А Карпуха получил другое задание — вычистить самовар. Он принёс его на берег. Там уже были кое-где проталины. Из снега выглядывали макушки песчаных бугорков. Песком хорошо драить медные бока самовара.

Карпуха тёр их нещадно: знал придирчивость матери — не примет она работу, если останется хотя бы крохотное пятнышко.

И не заметил Карпуха, как из-за камня вышел человек с усиками, в солдатской шинели. Вышел и остановился в трёх шагах от мальчишки, который беззаботно напевал:

*Самовар, самовар — пташечка,
Самоварушка весело поёт!..*

Человек стоял и не знал, на что решиться. Посланный с ракетницами матрос не вернулся на «Севастополь». Что с ним? Убит? Арестован? Прежние подозрения мучили человека. Может быть, и Александр Гаврилович убит не случайно? Самое благоразумное было бы больше не приходить в этот дом, но тогда потеряется связь с берегом. Обнадёживало только одно: в ночь, когда матрос отправился с ракетницами через залив, красные курсанты попробовали штурмовать Кронштадт. Бой разгорелся в те часы, когда матрос должен был возвращаться. Стреляли много и беспорядочно. Не погиб ли он в той неразберихе?

А Карпуха всё напевал:

Самовар, самовар — пташечка...

— Гостей ждёте? — спросил человек.

Карпуха вздрогнул, посмотрел на него, узнал и медленно выпрямился.

— Не-а!.. Просто так. Мама велела! — ответил он, с трудом переходя от полной беззаботности к тому большо-

му напряжению, которое требовалось для разговора с этим человеком.

Сейчас Карпухе не на кого было надеяться. Он стоял один, а напротив враг, который с улыбкой говорил ему:

— Обещал я твоей мамке чаю. Принёс — не забыл!

— А Федька с Гришей за рябиной пошли! — сказал Карпуха. — Рябина не хуже чаю!

Человек присел на корточки, погладил наполовину вычищенный самовар.

— Ты давай — заканчивай, а то мамка у тебя строгая — выдерет ещё!

Карпуха взял тряпку и снова принялся тереть медные бока. Сидевший на корточках человек задавал ничего не значившие вопросы, но мальчишка понимал, к чему он подбигается с такой осторожностью, и заранее подготовился. И когда человек спросил, не приходил ли к ним его знакомый матрос с «Севастополя», Карпуха знал, что говорить. Его рассказ прозвучал с такой достоверностью, что трудно было усомниться в чем-нибудь.

— Да, приходил. С мешком. Про керосин спрашивал. Потом к мамке пристал — звал в комиссары на корабль. А она ему пару пощёчин влепила.

Такое не выдумаешь, и человек от души расхохотался. Он повеселел и даже помог нести самовар. Карпуха держал за одну ручку, а он за другую. Когда они были почти у самого дома, где-то в Ораниенбауме бухнула пушка. Из Кронштадта тотчас ответили. И за-

вязалась уже привычная артиллерийская дуэль.

Вероятно, из-за этой канонады Купря запоздал с сигналом. Он каркнул лишь тогда, когда они уже проходили под берёзой.

— Наш караульный! — похвастался Карпуха.

Человек вдруг остановился. Эта мелочь почему-то испугала его. Вновь вспыхнули прежние подозрения. Вспомнилось, что и прошлый раз раздалось карканье. Он выпустил ручку, самовар ударил Карпуху по

ноге. Пока мальчишка потирал ушибленное место, человек пальнул вверх из пистолета. Выстрела не было слышно. Его заглушила канонада, и Карпуха не сразу понял, отчего сорвались с березы все вороны. На снег к его ногам

упал чёрный комок. Несколько раз судорожно дёрнулись лапки.

— Купря! — простонал Карпуха и бережно поднял убитую птицу. — Купричка!

Это мог быть и не Купря, но Карпуха думал, что это он — его учёный ворон. Забыв обо всём, мальчишка крикнул:

— Гад! Гад паршивый!

Он и сам не услышал себя — все звуки тонули в густом рёве пушек. А человек уже входил в дом. Карпуха бросился за ним, сжимая кулаки. Но дверь закрылась перед его носом. Он опомнился, остановился на крыльце и сел на ступеньку, глотая слёзы. Над домом беспокойно кружились вороны, не решаясь опуститься на берёзу...

Поздоровавшись с хозяевами, человек выложил на стол пачку чаю в яркой дореволюционной упаковке. Мать и не взглянула на подарок, а отец выдавил:

— Спасибо.

«Только бы не сорваться! — думал Степан Дорохов. — Только б выдержать!.. Выпытать ещё что-нибудь — и тогда!..» — Он уже твёрдо знал, что на этот раз ни за что не выпустит человека из дома.

— Ракетницы разнёс? — спросил человек.

— Разнёс.

— Разнёс ли?

— Проверь. Адреса, думаю, тебе знакомы.

Человек знал их. Больше того, выйдя из Кронштадта, он решил вначале заглянуть по одному из девяти адресов, но

передумал — побоялся. Все люди, для которых посылались ракетницы, были мелкими, купленными по дешёвке. Садовник с Елагина острова казался более надёжным, несмотря на то что исчез уже второй побывавший у него посланец.

— Я проверил, — сказал человек.

Степан Дорохов внутренне напрягся, приготовился. Если гость действительно ходил по адресам, то он знает, что те люди забраны. В таком случае он явился сюда только для того, чтобы отомстить за провал. Но к чему тогда чай?

«Врёшь! — подумал Дорохов. — Нигде ты не был!»

— Всех проверил? — спросил он.

— На выборку.

— В Ижору ходил?

— Нет. А что?

Дорохов назвал Ижору только потому, что из девяти адресов этот первым пришёл ему на ум.

— А то, что смылся хозяин. Дом заколочен. А ракетница — вот она. Могу вернуть.

Степан выдвинул ящик стола и достал ракетницу.

— Оставь себе.

Человек опять повеселел. Всё успокаивало его в этом доме — даже фамильярность, а иногда и грубость по отношению к нему. Здесь никто не старался подчеркнуть, что они верные, преданные люди. Никто не лебезил перед ним, не угодничал, как это часто делают те, которым надо скрыть свои подлинные мысли и поступки.

— Матрос погиб, — сказал человек.

— Какой матрос?

— Который был у тебя.

— Как?

— Подробности пока не известны.

— Я ему говорил — подожди... Стреляли, когда он на лёд вышел.

Разговор вроде кончился, но гость ещё не собирался уходить. Перестрелка с Кронштадтом продолжалась. Мать возилась у печки. Пахло щами из кислой капусты. В минуты затишья со двора долетали голоса мальчишек. Федька с Гришей вернулись, но в дом не заходили. Карпуха всё им рассказывал. Теперь они хоронили Купрю за конюшней.

А человек всё сидел, прислушиваясь к канонаде.

«Не тяни! — в душе торопил его Степан. — Давай! Давай — выкладывай! Не из-за чая же ты пришёл сюда!»

— Заменить матроса придётся, — сказал наконец гость. — Думал я через него связь держать, но... Придётся мальчишек использовать.

— Мальчишек? — подала голос мать.

— Мальчишек незачем трогать. Я могу... Будет, как надо! — пообещал Степан. — Говори.

— Ты хромаешь, — возразил человек. — Туда и обратно вёрст двенадцать. И не пройти тебе. Вокруг Кронштадта ползуны в белых халатах. Перехватят... Мальчишкам легче. Удочки зимние пусть заберут.

— Нету у нас удочек.

— Сделай... Удочки — обязательно! Для чужих маскировка, для своих пароль... Все наши патрули предупреждены. Посылать будешь через ночь, пока лёд держится. В записке — ничего лишнего. Только о войсках. Сколько, где концентрируются, куда пушки ставят...

— Мальчишек не пошлю! — твёрдо сказал Степан.

— Перестань! — скривился человек. — Я знаю, что они тебе не сыновья. Я всё знаю.

— Не пошлю! — повторил Дорохов. — Сам.

Неожиданное упорство начало раздражать человека. Он пожевал ус, стараясь успокоиться, и сумел заговорить прежним доброжелательным тоном:

— Тебе нельзя, пойми!.. Если ты и обойдёшь ползунов, свои пристрелят. Они будут ждать мальчишек. Трёх мальчишек!

— А ты предупреди. Я ведь тоже с удочкой могу.

— Не в Кронштадт я сейчас. Понимаешь?.. Когда вернусь — не знаю.

Дорохов молчал. Человек предполагал, что теперь он согласится. Но Степан думал не об этом. Кончать игру или рано — вот какой решал он вопрос. Удастся ли узнать ещё что-нибудь?.. Пожалуй, не удастся!

— Ладно! — сказал Степан и взял ракетницу, лежавшую на столе. — Не рыпайся, ваше благородие. Ракета с такого расстояния не хуже пули душу

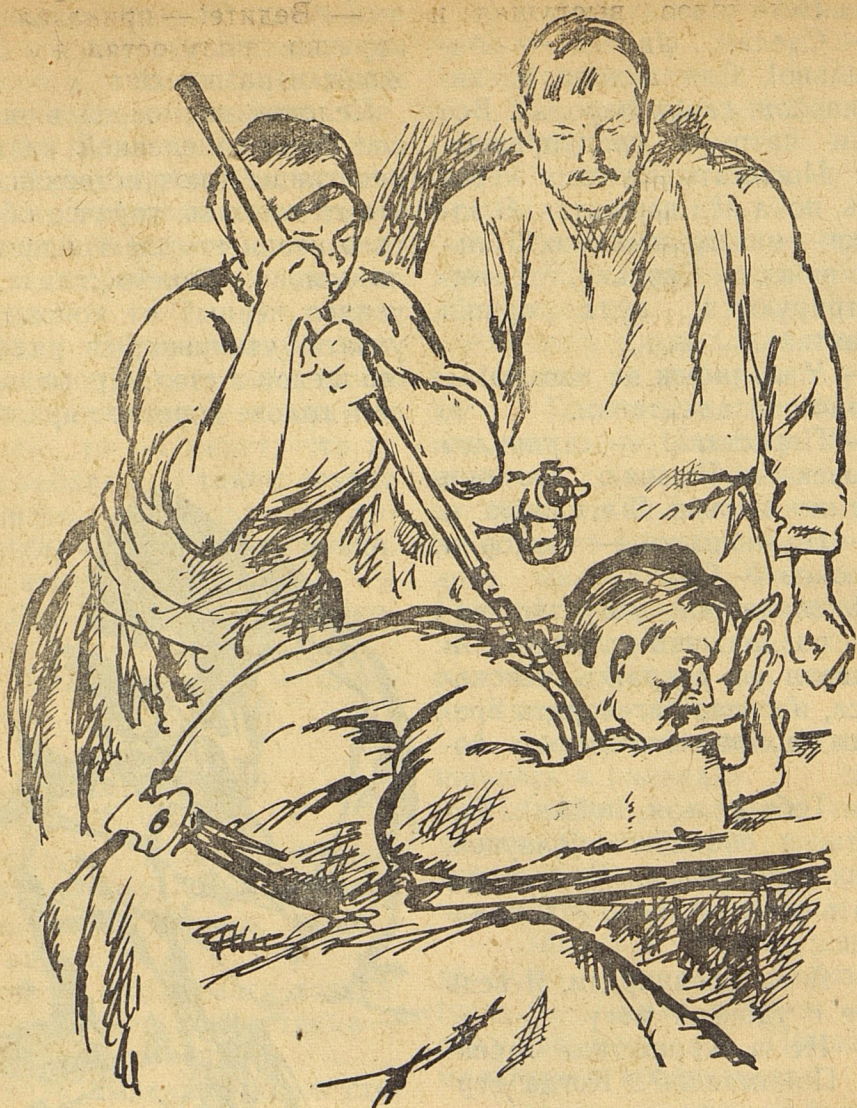
вышибает. Только не так аккуратно получается — обожжёт и разворотит.

Человек посмотрел в широкое дуло нацеленной на него ракетницы и почувствовал, как что-то жёсткое, горячее обхватило сзади его шею и пригнуло голову. Скосив глаза, он увидел чёрный от копоти рог ухвата, уткнувшийся рядом с его щекой в стол. Промелькнуло в голове короткое яркое ви-

дение: витрина в музее, под стеклом — сотни разноцветных жуков, наколотых на булавы...

Похоронив ворона, мальчишки сидели на крыльце. В доме было тихо. Карпуха жевал кисло-сладкие мёрзлые ягоды рябины. Федька с Гри-

шей не ели. У них ещё в лесу свело рот от этих ягод.

В сениях слышались шаги. Ребята узнали — отец. Его шаги ни с чьими другими не спутаешь. Вышел, как всегда, немного медлительный и спокойный. По его виду ничего не определишь. Нагнулся, поднял стоявший на крыльце самовар, похвалил Карпуху:

— Хорошо вычистил. — И добавил: — Ноги в руки и — на

полустанок. Позвоните: пусть приедут и заберут его.

Карпуха так и подскочил.

— Скрутил?

— Хлипок его благородие, — скупой улыбнулся отец.

— Поглядеть бы?.. — вопросительно произнёс Федька.

— Нагляделись. Хватит... Ноги — в руки!

И мальчишки побежали к полустанку.

Крутогоров сразу узнал

Федькин голос, выслушал и сказал всего одно слово:

— Еду!

Старик железнодорожник долго смотрел вслед мальчишкам, позвонившим из его будки. Никак он не мог понять, что происходит. Он помнил, как двое из этих ребят вместе с отцом и матерью шли под конвоем матросов к дрезине. Выходит, арестовали их и увезли. А потом как-то в будку пожаловал сам начальник станции Ораниенбаум и, нарушив всякие правила, приказал допускать к телефону каких-то Дороховых. Сначала пришла женщина. Назвалась Дороховой. Пока она говорила по телефону, старик узнал её и удивился ещё больше: то в тюрьму сажают, то особые почести оказывают! А теперь эти мальчишки. Они тоже, оказывается, Дороховы и тоже имеют право звонить по телефону, к которому посторонним и притрагиваться не разрешено!..

Крутогоров приехал очень быстро. С ним были какие-то незнакомые люди. Автомобиль оставили в лесу. Поэтому человека в красноармейской шинели пришлось развязать: не нести же его до леса на руках. Отец, не скрывая сожаления, принялся распутывать узлы. Вынул изо рта свернутую в тугой комок тряпку.

— Кричал? — спросил Крутогоров.

— Плевался, — пояснила мать. — Убирай потом за ним...

Мать взяла со стола пачку чая и брезгливо засунула её в карман человеку.

— Ведите! — приказал Крутогоров, а сам остался у Дороховых и выслушал неторопливый рассказ отца.

Потом Василий Васильевич несколько раз произнёс задумчиво своё любимое «Дела-а!» и посмотрел на мальчишек долгим, изучающим и в то же время каким-то виноватым взглядом. Он хотел что-то сказать и никак не мог решиться.

Никто ещё не успел отгадать, что скажет Крутогоров, а мать уже накинулась на него. Столько упрёков и обвинений он не слышал за всю свою жизнь. Выходило, что у него совесть если и была, то давным-давно потеряна. Что он не лучше того плевательника, которого только что увели. Что вообще он не человек, а бездушная машина, вроде той, на которой он раскатывает днём и ночью и рассовывает людей по самым опасным местам. Хоть бы взрослых, а то и детишек не щадит!

Крутогоров пытался отшучиваться, с поддельным удивлением говорил, что мать сквозь землю видит, называл её умнейшей женщиной на всём Финском заливе до самого Петрограда. Но ни шутки, ни лесть не действовали.

— Не пушу! Не пушу! — твердила мать. — Видано ли, чтоб детишек в такое втравливать? Опомнись, Василий Васильевич! Подумай, что ты говоришь-то!

— Я ничего ещё не сказал.

— Знаю, знаю, что скажешь! — кричала мать. — И слышать не хочу! Стыдись! Ты

же требуешь того же, что и эти душегубы!.. Ночью, через залив, да в волчье логово!.. Мало там полегло на льду? Ещё хочешь?

Крутогоров потемнел.

— Полегло! — жёстко сказал он. — И ещё полягут! Но хочу, чтоб легло поменьше! И ты этого должна хотеть!

— Своих посылай! Своих!.. Если имеются... А не имеются — вырасти и посылай!

У Крутогорова под левым глазом дёрнулась подушка, набрякшая за эти дни. Она не переставала дёргаться, пока он смотрел на притихших мальчишек, уже догадавшихся, из-за чего разгорелся сыр-бор.

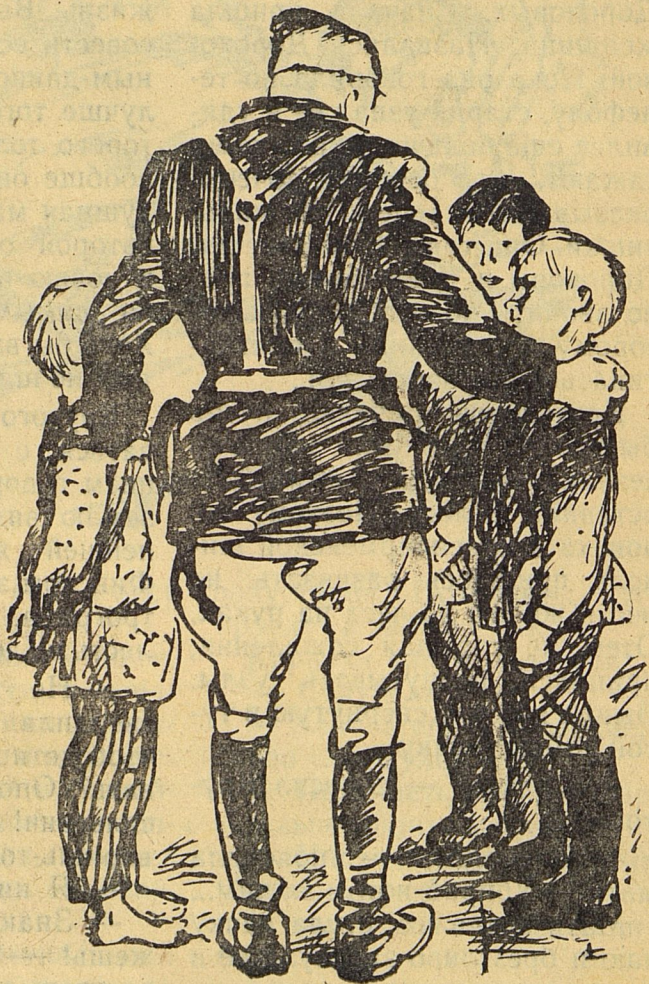
— Своих я уже послал. Побольше, пожалуй, были... В семнадцатом... А послал я их на Неву. Надо было переправить на лодке одного человека... Не вернулись мои Васьки... Первого в честь деда назвали, а второго — без меня... тоже Васькой окрестили... Люди говорили — анархисты их на том берегу... Камнями, палками... И схоронить не удалось — Нева унесла...

— Прости! —

сказала мать. — Но и меня пойми — я должна своих сбереечь!

— Пошли ты меня, Василий Васильевич! — предложил отец. — Скажу, что мальчишки... ну... заболели!

— Трое разом?.. Там не все дураки — раскусят твою хитрость... Рисковать, так с толком!.. Я ведь чего хочу? Чтоб порасслабились в Кронштадте, подумали б, что пока штурма не будет... Одно дело — неожиданно ударить, другое — грудью... восемь вёрст... под пулями и снарядами!

Крутогоров снова повернулся к матери:

— А тебя я понимаю, Варвара Тимофеевна! Обещаю — такая у ребят будет охрана, что и на них, и на моих Васек хватило бы!.. Вот и решай! Через твоё слово не переступлю.

— Что моё слово?.. Слово!.. Не мне идти! У них и спрашивай!

— А мы хоть сейчас! — ска-

зал Карпуха и, получив от матери подзатыльник, втянул голову в плечи.

Так мальчишки стали крохотным звёнышком в большом оперативном чекистском плане, рассчитанном на то, чтобы обмануть противника, скрыть подготовку неожиданного удара и взять крепость с наименьшими потерями.

(Окончание следует)

Роман ДОВБРОВЕНСКИЙ

Таёжная гостиница

*Мы идём по глухотани
Сквозь ужасный бурелом.
Вдруг —*

*Дом.
Дом? Не может быть. Откуда?
Мы замедлили шаги.
Смотрим — правда.*

Что за чудо?

*Дом стоит среди тайги!
Вот стучимся мы с друзьями:
— Эй, зайти нельзя ли нам?
Открывай скорей, хозяин! —
Не слышать хозяина...
Мой товарищ говорит:
— Этот дом для всех открыт.
Он затем в тайге поставлен,
Чтоб, пройдя тяжёлый путь,
Человек бы мог усталый
Хорошенько отдохнуть.
Каждый, кто сюда заходит,
Всё, что нужно, здесь находит:
Соль, и спички, и патроны,
Сухари и макароны.
Из печи и со стола ты
Всё бери без всякой платы,
Только, уходя, изволь*

*Здесь оставить хлеб да соль.
...Мы зашли в избу лесную,
Мы поели и уснули.
И быстрее шли наутро
Сквозь чащобу, бурелом...
Если вдруг из вас кому-то
Попадётся этот дом —
Заходите без стеснения!
В доме этом для ребят
Мы оставили варенье,
Пастилу, халву, печенье,
Пяники и шоколад!*

Коллекции марок создаются и пополняются в основном тремя классическими путями.

Во-первых, марки покупают. Во-вторых, марки выменивают. В-третьих — выпрашивают. Выпрашивать марки — занятие очень неблагодарное и утомительное, но тем не менее им пользуются почти все коллекционеры, от мальчишки, впервые взявшего в руки «кляссер», до убелённого седой «академика»-филателиста.

Говорят, что можно найти марку. Например, по дороге в школу. Можно, конечно, найти, но только обыкновенную марку, стандартную. Найти редкую, интересную марку так же трудно, как, скажем, найти алмаз в детской песочнице во дворе.

Как исключение, можно получить марки в подарок.

Витя Смирнов, о котором мы собираемся рассказать, получил марки в подарок. Однако тут надо сделать маленькую оговорку: в подарок Витя получил всего двести марок, а сейчас в его коллекции их около семи с половиной тысяч...

Началось это ещё в первом классе.

Как-то вернулся Витя из школы, разделся, положил портфель и только хотел за уроки приняться, вдруг

видит: на его столе коробочка какая-то лежит. Коробочка как коробочка. Ничего особенного. Конфеты, может быть, в ней, а может, пустая. Взял Витя в руки коробочку — лёгкая. Значит, пустая. «Эх, жалко», — вздохнул он. Но на всякий случай раскрыв коробочку. Раскрыв и... растерялся: в коробочке были мамины марки.

Витя давно помнил, что мама обещала подарить ему свою коллекцию, да всё почему-то не дарила. «Вот пойдёшь в школу, тогда...» А теперь марки — вот они! Его!

Он разложил марки на столе и стал рассматривать... Они были самых разных цветов: то жёлтые, как песок, то зелёные, как трава, то голубые, как небо... На одной изображён огромный ушастый слон, на другой полосатый, похожий на огурец, дирижабль, на третьей лихо мчащийся на пулемётной тачанке Чапаев с вытянутой вперёд рукой...

Рассматривать марки было страшно интересно. Когда мама пришла с работы, Витя всё ещё сидел за ними. Про уроки он как-то совершенно забыл. И это был единственный раз, когда Витя Смирнов не приготовил уроки.

Хоть Витя и стал обладателем двухсот марок, назвать его коллекционером было ещё нельзя. Коллекционером он стал постепенно.

Витя знал, что настоящие коллекционеры обмениваются марками. «Попробую и я с кем-нибудь поменяться», — решил он и принёс в школу несколько марок. Одну —

монгольскую, с изображением ообелиска, — обменял на понравившуюся французскую. «Хорошо поменялся, — думал Витя, — французская марка — мировая марка!» Однако дома его ждало разочарование. Оказалось: такая французская марка в его коллекции уже есть. И даже не одна. А вот монгольская — «обелиск» — была единственной. Вот так обменялся, нечего сказать!

Этот случай научил Витю, во-первых, знать как следует свои марки; во-вторых, не менять те, которые имеются в единственном экземпляре.

Шло время. Коллекция росла. Часть марок Витя покупал, часть выменивал, а часть получал от дедушки. Дедушка у Вити учёный-химик. Он переписывается с учёными разных стран, ну, и, конечно же, все конверты с марками идут внуку. Всякий понимает, что для коллекционера такой дедушка просто клад!

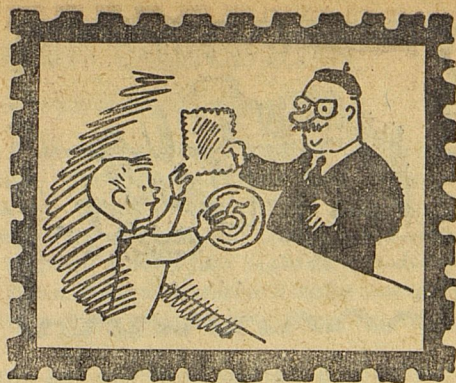
До поры до времени Витя держал свои марки в коробке. Но какой же уважающий себя филателист так держит марки? Решил Витя обзавестись альбомом. Пошёл в один магазин, пошёл в другой — подходящих альбомов нет. Что делать? Не держать же в самом деле марки в коробке. Решил сам клеить альбомы.

Развел столярный клей, разогрел его, нарезал картон, бумагу и принялся за дело. Сколько вечеров потратил! Зато альбомы получились что надо. Правда, мама Вите немного в этом деле помогала. Но кому же мамы не помогают!

Теперь марки уже не лежали в общей куче. Разложенные по темам, они будто ожили, заговорили с альбомных листов.

Один альбом рассказывал о покорении космоса, другой об истории русского спорта, третий об искусстве, четвёртый о путешествиях...

С появлением этих альбомов Витя как бы преодолел ещё одну ступеньку на пути к званию коллекционера. Пожалуй, на этот раз самую существенную ступеньку. Из простого накопителя марок он пре-

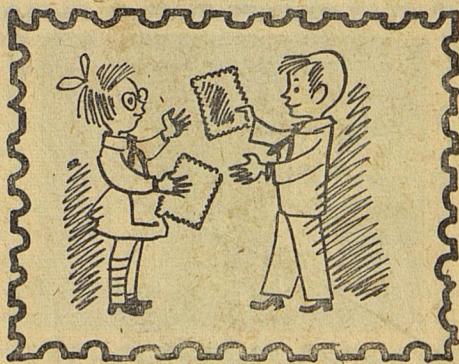

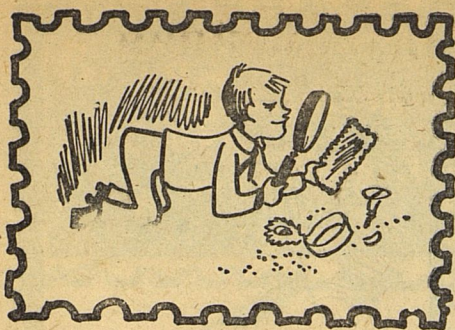
вратился в дотошного исследователя. В книжном шкафу рядом с альбомами встали разные каталоги, словари, справочники... Просто приобрести марку — Вите теперь этого было уже мало. Докопаться до сути, узнать побольше о событии или о человеке, изображённом на ней, — вот что стало для него главной задачей...

О том, что «Искорка» объявила конкурс на лучшую коллекцию марок, посвящённую Советской Армии, В. И. Ленину и комсомолу, Витя узнал, как говорится, перед последним звонком, когда до начала первого тура оставалось всего несколько дней...

И в доме начался аврал. Зашёлкали ножницы. Зашуршал картон. Запахло клеем. Младший брат, второклассник Андрюша, во что бы то ни стало хотел помогать Вите. Но что он мог делать? Разве размешивать клей? Это ему и доверили.

Оформлять коллекцию к конкурсу нелегко. Нужна аккуратность,

терпение, умение красиво и ровно писать, нужен художественный вкус, чтобы интересно расположить марки на листе. Однако все эти достоинства ни к чему, если ты не знаешь своих марок.

Без глубоких знаний своей коллекции не видать тебе призового места.

Терпеливо и внимательно работал Витя над каждым листом. Вокруг себя положил разные справочники, учебники, тома энциклопедии. На листе две марки — XX-летие и XXV-летие эскадрильи Нормандия-Неман... Что тут можно сказать? В школе этого пока не проходили. Витя роется в книжках о Великой Отечественной войне и узнаёт, что это была за эскадрилья. И как результат его поисков на листе под марками появляется следующая запись: «Нормандия-Неман — французская добровольная истребительная авиачасть. Сформирована против гитлеровцев на Советско-Германском фронте в 1943 году. Французские лётчики летали на совет-

ских самолётах. Двое летчиков — Герои Советского Союза».

Так получилось, что Витя Смирнов не смог присутствовать в редакции в тот день, когда проводился конкурс. Он болел. А было интересно. Хорошие коллекции выставили Саша Абакумов, Серёжа Иоффе, Миша Школьник... И марки эти ребята знали неплохо. Однако первое место присудили Вите Смирнову: коллекция у него была интересная, а подписи к маркам лучше всяких слов говорили, что уж кто-кто, а Витя-то свои марки знает.

По результатам второго тура Витя Смирнов снова занял первое место. И опять, как и в первый раз, за счет «глубины».

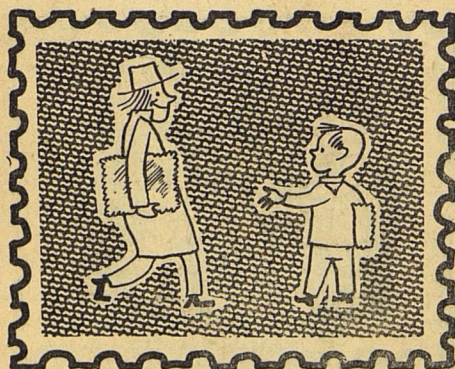
Сейчас Витя Смирнов готовится к третьему туру конкурса. Главная задача для него — это достать довоенные марки, посвящённые комсомолу, просмотреть каталоги и постараться сделать коллекцию как можно полнее...

Как у всякого в общем-то начинающего ещё коллекционера бывают у Вити и промахи. Во втором туре он получил минус за то, что, оформляя лист с марками, вклеил в середину открытку, которая не имела никакого отношения к почте. Оказывается, оформлять лист с марками можно только такими открытками, на обратной стороне которых есть специальные почтовые обозначения, то есть такой открыткой, которая предназначена для письма. Этот урок Витя хорошо запомнил.

Вообще-то Витя увлекается не только марками. Он собирает спичечные этикетки, значки, старинные монеты, открытки. И ещё он очень любит собирать коллекции бабочек. Он даже выступал перед первоклассниками с лекцией о бабочках, как их ловить, как делать коллекцию. Под столом у Вити полно стеклянных банок, прикрытых бумагой. В них постоянно что-то шуршит. Оказывается, там живут гусеницы, которые через некоторое время должны превратиться в «махаонов».

И всё-таки главное для него — марки...

А. ЗВЕРИНЦЕВ.
Рисунки Л. Московского

Спорт — традиция семейная

(К фотографиям на 3-й странице обложки)

ПРОХОДИЛ один из традиционных ленинградских осенних марафонов — пробег Пушкин—Ленинград. Спортсмены один за другим финишировали на Дворцовой площади, судья-информатор объявлял о тех, кто заканчивал тяжёлую тридцатикилометровую дистанцию. Но вот финишную черту пересекли трое парней в голубых майках с эмблемами общества «Труд». Информатор привычно подвинул к себе микрофон, заглянул в протокол и... растерялся. Нагнувшись к соседу, он тихо сказал:

— Чертовщина какая-то. Посмотри-ка, эти Молодцовы растут как грибы: в прошлом году (я точно помню) их было двое, а сейчас откуда-то ещё и третий появился. И финишировали вместе. Не знаешь, как и объявить!

И, решившись, сказал в микрофон:

— Дистанцию закончили А., Б. и В. Молодцовы!

Затруднения информатора были понятны. Но через несколько минут на его лице появилась ещё большая растерянность: финишировали ещё два спортсмена по фамилии Молодцовы! А странного ничего не было: в пробеге приняли участие пять ленинградских рабочих, пять родных братьев — легкоатлетов Молодцовых.

Лозунг «Спорт — традиция семейная» пользуется большой популярностью в Ленинграде. Можно назвать десятки семей, где все, от мала до велика, полюбили физическую культуру, занимаются в различных секциях, выступают в соревнованиях любого масштаба — от районных до мировых чемпионатов.

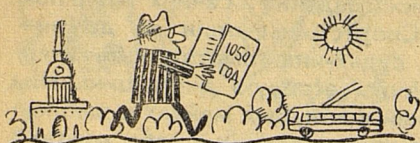
Толе Кузнецову — 16 лет. Свой первый спортивный рекорд он установил... 15 лет назад. Ну, разве не рекорд — шесть годовалым ребёнком в байдарку-одиночку (даже если и вместе с папой)!

Толя вырос в настоящей спортивной семье. Сейчас он чемпион города по гребле на байдарке. Зимой же — лыжник-слаломист. В прошлом году он стал призёром Всесоюзных соревнований юношей-слаломистов. Примером для него были родители, известные в нашем городе спортсмены Фаина Константиновна Кузнецова, мастер спорта по гребле и лыжным гонкам, и Фёдор Матвеевич Кузнецов, в своё время один из сильнейших лыжников страны. Спортом занимаются сейчас и самые младшие члены семьи — десятилетний Серёжа и четырнадцатилетняя Оля. И, конечно, увлечение у них тоже семейное — лыжи и байдарочная гребля.

В спортивной семье выросли и прославленные советские гимнастки, неоднократная чемпионка СССР и победительница международных соревнований заслуженный мастер спорта Наташа Кучинская и её сестра — чемпионка мира по художественной гимнастике Марина Кучинская. Их родители — тренеры, наставники юных спортсменов.

Но самую большую спортивную семью мне довелось встретить в городе Петропавловске-Камчатском. Моисей Георгиевич Березин — капитан и зачинатель этой лыжной династии — смело может принять любое предложение помериться силами на заснеженной лыжне. В его семейной команде одиннадцать человек. При этом один мастер спорта, шесть перворазрядников, две второразрядницы и двое — самые юные — имеют первые юношеские разряды. Уже несколько лет подряд этот семейный коллектив становится чемпионом Камчатки на традиционных лыжных соревнованиях спортивных семей.

В. ГАЛАКТИОНОВ (Фото автора)

САМАЯ большая по размерам книга в мире находится в Нью-Йоркском музее. Её высота составляет 3 метра, толщина 1 метр. Для перелистывания страниц этой книги используется специальная электрическая аппаратура.

САМЫМ крупным книжным издателем на свете является СССР. Он выпускает больше четверти книжных изданий, печатающихся в мире.

САМОЙ старой русской датированной книгой является Остромирово евангелие 1057 года, хранящееся в Ленинградской Публичной библиотеке.

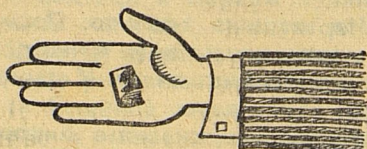

САМАЯ короткая на свете книга имеет всего две страницы, не считая обложки. Книга касается проблемы, волнующей человечество. Содержание книги составляют два слова из пяти букв. Вот эти слова в оригинале: «Pat? Hel». На русском языке это означает: «Война! Нет!»

Книгу написал и издал в 1965 году на свои личные сбережения житель Белграда Исойа С. Стефанович.

САМАЯ древняя известная человечеству библиотека — это Ниневийская библиотека, принадлежавшая ассирийскому царю Ассурбанипалу (VIII век до нашей эры). Более 20 тысяч глиняных плиток этой библиотеки содержали ценнейшие сведения о древних Ассирии и Вавилоне.

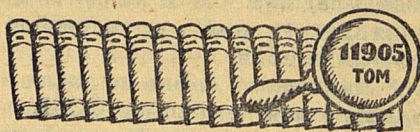
САМЫМ крупным в мире книгохранилищем является Библиотека имени Ленина в Москве. На её полках, длина которых достигает 350 километров, хранится свыше 23 миллионов книг, газет, журналов на 173 языках народов мира.

САМАЯ маленькая русская книга — это книжка-малютка с баснями И. А. Крылова, отпечатанная в Петербурге в 1856 году. Она имеет размер 2,7×2 сантиметра, т. е. в несколько раз меньше спичечной коробки.

САМЫЙ древний в мире роман под названием «Повесть о Гэндзи» был написан в X веке японской женщиной Мурсаки Сикибу. Этот роман относится к числу шедевров японской литературы и является частью мирового культурного наследия.

САМАЯ древняя географическая карта составлена в 2000 году до нашей эры. Она выполнена на глиняной дощечке.

САМАЯ огромная энциклопедия на свете — это Большая китайская энциклопедия, состоящая из 11 905 рукописных томов. Только оглавление энциклопедии занимает 60 томов.

Рисунки А. Курушина

СОБРАЛ В. КОЗИЦКИЙ

КРЕМЛИ РОССИИ

На земле нашей Родины сохранилось шестнадцать каменных кремлей. Не прихоть князя или царя, а необходимость в защите от многочисленных врагов вынуждала ставить крепости на рубежах Руси. Наши старые кремль — свидетели бурных времен возрождения Русского государства, веки его истории.

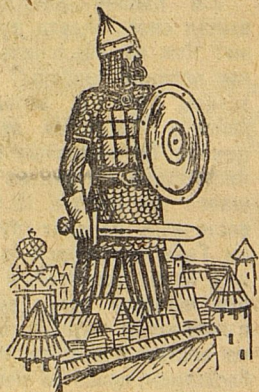
Первый на Руси каменный Кремль — детинец построил «господин Великий Новгород». Было это в середине XI века. Спустя столетие на северной границе Новгородской земли — в нескольких верстах от Ладожского озера — на реке Волхов вырос ещё один детинец — Ладога. Третий появился недалеко от берегов Бал-

тики — в Копорье. В XIII веке новгородцы и псковичи, защищая свои земли от набегов тевтонских псов-рыцарей, поставили ещё три детинца: Порхов на реке Шелони, Остров на реке Великой и могучий Изборск на высокой Журавьей горе. До наших дней сохранились остатки этих пограничных крепостей. Лучшие других сохранился Изборск. Грозен он был, суров и прост. Мощные, круглые, суженные

кверху известняковые башни, высокие без зубцов стены. Никаких украшений — время было лихое.

В 1367 году московский князь Дмитрий Иванович построил белокаменный Кремль вместо старого, дубового, заложеного Калитой, а в 1485 году великий князь Иван III, после присоединения к Московскому государству Новгорода, начал строительство нового московского Кремля — того, что стоит и поныне.

В XVI веке Московское государство, наступая на татарские орды, осевшие на Волге, строит кремль в Нижнем Новгороде, Туле, Зарайске, Коломне, Серпухове, Казани, Астрахани, закрепляя победы и защищая русские земли от новых набегов врага.

В одном из кафе Вены (Австрия) был проведён необычный конкурс. 80 канареек боролись за звание лучшего певца. Чтобы победить в этом конкурсе, от его участников требовалось как наличие таланта, так и упорная тренировка, а от владельцев канареек — огром-

ПЕРНАТЫЕ АРТИСТЫ

ное терпение. Ведь и самый прекрасный голос не поможет канарейке, если она в решающий момент забудет разученную мелодию или просто не захочет петь. Правда, как заявил руково-

дитель конкурса, подобные забастовки очень редки. Несмотря на незнакомую обстановку, большинство пернатых артистов старается изо всех сил. В ходе соревнований судьи внимательно выслушали певцов, дали оценку мелодии и чистоте голоса.

ЗНАЕШЬ ЛИ ТЫ, ЧТО...

...по пути Магеллана, из североиспанской гавани Виго, отправилась в кругосветное путешествие каравелла «Олатране Сан-Лукас»? Капитан и восемь человек команды намереваются повторить путь, проделанный Магелланом в 1519 году. Каравелла внешне полностью повторяет своего средневекового предка. На борту её нет навигационного и технического оборудования, рации. Во время семимесячного плавания команда будет питаться рыбой, фруктами, сухохарями.

...купить можно... город? В штате Вайоминг (США) состоялась распродажа... города, основанного более полувека назад. Купил город делец из Чикаго. Он намерен создать здесь для себя охотничью базу.

...Закавказье славится долгожителями? Здесь живёт около шести тысяч человек, которым более 100 лет. Самый старший по возрасту в Советском Союзе — 163-летний Ширали Муслимов. Он ближайший «конкурент» англичанина Томаса Корна, прожившего 207 лет.

...во время раскопок в Бичвинте, на мысе Пицунда, грузинские археологи в старинном храме натолкнулись на сказочной красоты ковёр, пролежавший под землёй более пятнадцати веков? Уникальная мозаика является мировым шедевром этого сложного искусства. Она выполнена из кубиков двенадцати различных цветов. Кубики выточены из натуральных морских камней. В квадратном метре мозаики их насчитывается до 20 тысяч. В настоящее время находка перевезена в Тбилиси, реставрирована и украшает залы Музея искусств Грузии.

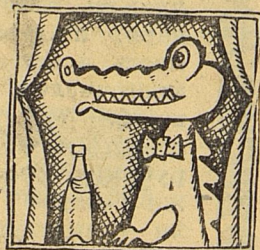

...в районе Хабаровска выпал снег... цвета пустыни? Чем же объяснить такое явление природы? Оказалось, что в западных районах Монголии возник циклон. Со скоростью 1500 километров в сутки он смещался на восток. В юго-восточных районах пустыни Гоби пронеслись пыльные бури. Поднятые в воздух частицы песка вместе с циклоном переместились на восток и выпали в Хабаровском крае. За последние 10 лет такое явление наблюдается впервые.

...На перегоне между городами Китаюсю и Модзи (Япония) в одном из вагонов экспресса «Сокурадзима» появился... живой крокодил? Среди пассажиров началась паника. Страхи, к счастью, оказались напрасными. Обнаруженный аллигатор был небольшой, всего 50 сантиметров длиной, и относился (как определили специалисты) к безопасной разновидности, которая водится в Южном Китае и питается только

рыбой. Находку сдали в бюро находок на станции Модзи, а вот хозяина обнаружить так и не удалось, видимо из-за опасения штрафа.

китаюсю-модзи

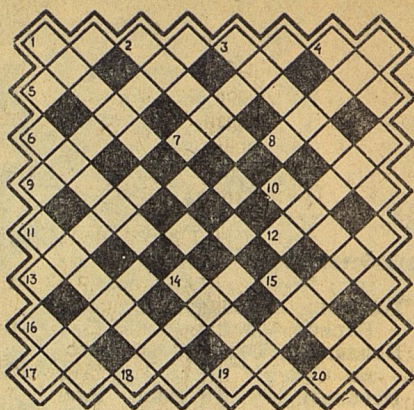
...соляную шахту Величка под Краковом (Польша) называют подземным хрустальным городом? Его достопримечательностью является прекрасный памятник архитектуры — костёл. Он весь вытесан из соли, начиная от библейских камней и скульптур до неповторимого алтаря и свисающих с потолка тяжёлых люстр. Хрустальный город — это и единственный в мире подземный санаторий. Особый состав воздуха, определённая влажность и давление дают возможность лечить многие тяжёлые заболевания.

...сиротский приют, существует вот уже два года в кенийском национальном парке-заповеднике близ Найроби? В этот приют принимают детёнышей диких животных, которые остались сиротами в результате гибели своих родителей. В приюте маленьким зверёнышам обеспечен хороший уход, и они спокойно переносят неволю. 150-й сирота принят недавно в этот приют.

КРОССВОРД

Составил Миша ШАРОВ

Слева направо сверху вниз. 1. Великан, гигант. 2. Один из видов тюленей. 3. «Специальность» футболиста. 4. Официальный документ. 6. Ансамбль из восьми исполнителей. 10. Деталь механизма огнестрельного оружия. 11. Покрытая травяной растительностью и отдельными деревьями равнина в Африке, Австралии, Южной Америке. 14. Третья буква греческого алфавита. 15. Сборник географических карт. 16. Порода крупных и сильных собак.

Слева направо снизу вверх. 5. Упражнение со штангой. 7. Музыкально-вокальное произведение. 8. Стремительное нападение. 9. Испытание. 12. Команда служебной собаке: «Поддай! Принеси!» 13. Мелодия, мотив. 17. Род литературного произведения. 18. Стихотворение А. С. Пушкина. 19. Минерал, прозрачная фиолетовая разновидность кварца — полудрагоценный камень. 20. Вечер с музыкой и танцами.

ХИТРЫЙ РЕБУС

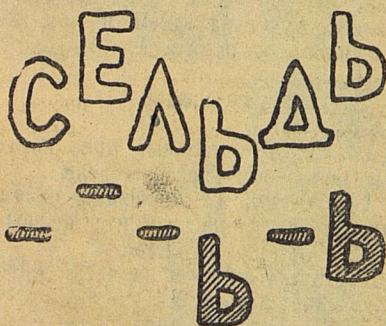
На нотном стане можно записать не только мелодию, но и... пословицу!..

Отдел ведёт В. Акентьев

ПОИЩИТЕ СЛОВО...

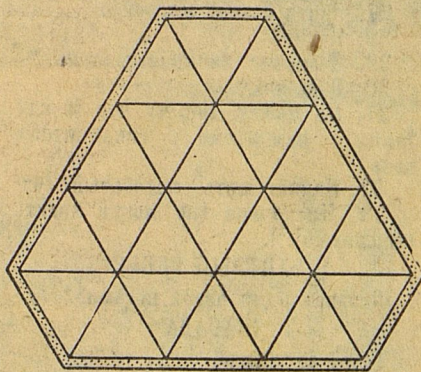
Интересное всё-таки слово «сельдь» — в нём два мягких знака, разделённых одной лишь буквой!..

А ещё такие слова есть? Поищите. Какие буквы надо поставить вместо чёрточек в нижней части рисунка?

ТРЕУГОЛЬНИКИ И ТРАПЕЦИИ

Рассмотрите внимательно наш рисунок...

Как вы думаете, каких фигур в нём больше — треугольников или трапеций?

Проверь себя

(Ответы к «Искорке» № 7)

ВЕСЁЛЫЕ ЗАДАЧИ

1. Угорь (угорь—уголь)
2. Ковёр (ковёр+кот).
3. В сороке... (сор+Ока).
4. Реполов.
5. Черепаха.
6. Я и мы (ЯМЫ).
7. Дон. («Дон Кихот», «Дон Паскале»).
8. А. Фадееву... (Роман «Разгром»).
9. В момент встречи поезда. естественно, будут на одном и том же расстоянии от пункта А.
10. Яма.
11. Дырки на платье.
12. Якорь.
13. Две... Остальные три, которые Саша не погасил, сгорели...
14. Восемь. (У половины палки так же два конца, как и у целой).
15. Глазами, взглядом.
16. Когда смотрим на часы («Десять минут пятого...»).
17. Те, которые стоят.
18. Например, в словах «полка», «поле»...
19. Восток (в 0 — сто К...).
20. Буква И.
21. Мягким знаком.
22. Букв О (Одно яблОкО; десять яблОк).
23. Шесть (а, з, б, у, к, а).
24. В алфавите.
25. Любое, в котором нет... букв Я.
26. Букварь (буква+РЬ)
27. Лента станет мокрою.
28. Сухих.
29. Там, где начинается тень.
30. В шляпку.
31. Не может, потому что между днями неминуемо «вклинится» ночь.
32. Начнёт жить четвёртый год.
33. Нисколько (не могут ходить горошинки!..).

ХИТРЫЙ РЕБУС

Кто над нами вверх ногами?

ШАРАДА

Бор+до=бордо.

Содержание

Собственный оркестр. Рассказ Леонида Радищева . . .	1
Господин Шубенко. Рассказ Бориса Раевского . . .	6
Баллада о Владиславе Титове. Стихи Иосифа Курлата . . .	18
Необходимые условия. Рассказ О. Панку-Яша . . .	19
Стихи о далёком друге. Стихотворение В. Шульжика . . .	21
Кенгуру. Ёж и ёрш. Прут. Муха. Чайки. Стихи Виктора Сосноры . . .	22
Юмор наших друзей . . .	24
Чудеса без решета. Пьеса Юрия Томина . . .	25
Подснежники. Продолжение повести А. Власова и А. Млодика . . .	38
Таёжная гостиница. Стихотворение Роальда Добровенского . . .	55
Витя Смирнов — человек серьёзный. Очерк А. Зверинцева . . .	56
Самое-самое-самое . . .	60
Пёстрые заметки . . .	61
Клуб смекалистых ребят . . .	63

На 1-й странице обложки рисунок художника Ю. Шабанова «С праздником Октября!»

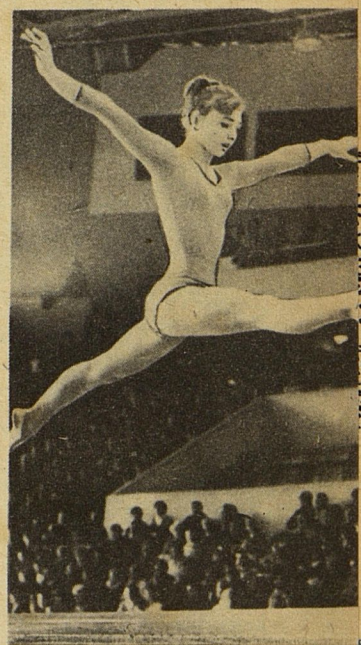
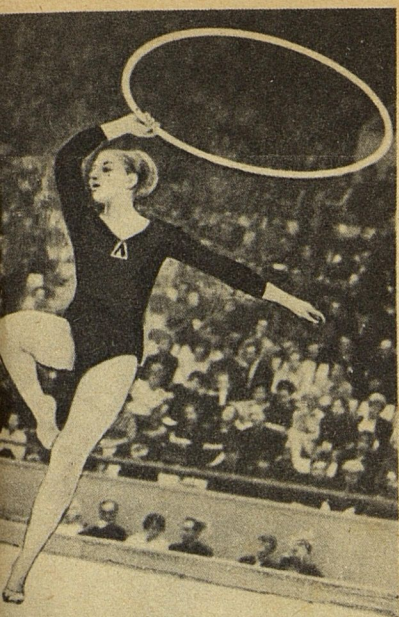
На 3-й странице обложки фото-очерк В. Галактионова «Спорт — традиция семейная». (Текст на 59-й странице журнала.)

На 4-й странице обложки рисунок художника П. Вискова «Отцов к сыновьям...»

Редактор В. Л. БИАНИ

Адрес редакции: Ленинград, Д-23, Фонтанка, 59, комн. 115

Сдано в набор 19/IX 1968 г. Подписано к печати 13/XI 1968 г. 4 печ. л.
М-43569 Заказ № 1463. Формат бумаги 70×108¹/₁₆. Цена 10 коп. Тираж 65.800 экз.
Типография имени Володарского Лениздата, Ленинград, Фонтанка, 57

ВЛАСТЬ
НАШЕМЪ!

ЗЕМЛЯ
КРЕСТЬЯНАМЪ!

МИРЪ
НАРОДАМЪ!

